

РИК ЯНСИ

УЧЕНИК
МОНСТРОЛОГА

МОНСТРЫ СРЕДИ НАС...

Рик Янси

Ученик монстролога

«АСТ»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

Янси Р.

Ученик монстролога / Р. Янси — «АСТ», 2010

ISBN 978-5-271-34417-6

О доме номер 425 по Харрингтон Лейн ходят зловещие слухи: ночные посетители, странные грузы, доставляемые в дом, непонятные занятия его владельца. Все знают, что здесь живет доктор Пеллино Уортроп, но мало кто верит в то, что он и вправду занимается лишь медициной. Однажды под покровом ночи в дом Уортропа привозят очередной груз, завернутый в мешковину. После распаковки глазам Уортропа и его ассистента, двенадцатилетнего сироты Уилла Генри, открывается страшное зрелище – наполовину съеденный труп юной девушки в объятиях мертвого монстра. После осмотра становится понятно, что монстр является представителем Антропофагов, африканских чудовищ-людоедов. Но каким образом он оказался в тихом американском городке и какие еще ужасные открытия ожидают Уортропа и Уилла Генри? Книга также издавалась под названием «Монстролог».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-271-34417-6

© Янси Р., 2010
© АСТ, 2010

Содержание

Пролог	6
Книга первая	10
Часть первая	10
Часть вторая	19
Часть третья	30
Часть четвертая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Рик Янси

Ученик монстролога

Антропофаги – самые жестокие, беспощадные и свирепые представители монстров. Они не признают никаких правил управления, не подчиняются никаким известным законам. У них свой язык, и единственные из всех этих народов они – людоеды.
Геродот «История» (440 г. до н. э.)

THE MONSTRUMOLOGIST
Rick Yancey

© Rick Yancey, 2010
© А. Яковлева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Обладатель премии Michael L. Printz Award за достижения в молодежной литературе.

Книги Рика Янси издаются в 30 странах мира.

Если вы любитель мрачных подвалов, заключенных во тьме дома скорби умалишенных и странной зубастой фауны африканского континента – эта книга ваша...
OZON.ru

Рик Янси умудряется рассказать одну из самых захватывающих и пугающих историй за последние несколько лет, сделав лишь одно фантдопущение – монстры среди нас...
FantLab

Пролог Июнь, 2007

Мон-стро-ло-ги-я (сущ.)

1. Изучение злых и опасных по отношению к человеку форм жизни, которые не признаются официальной наукой как реально существующие, особенно если являются персонажами мифов или фольклора.

2. Процесс охоты на вышеозначенных существ.

«Говорят, что Блиммии не имеют головы, а их рты и глаза расположены у них на груди».

Плиний Старший

«Естественная история» (75 г. н. э.)

«...на другом острове, на полпути, живут люди огромного роста и злобного нрава, безголовые, с глазами на спине, со ртами в форме подковы ровно посередине груди. На другом острове много людей без голов, у которых и глаза, и голова расположены на спине».

«Чудеса света» (1356)

«Гаора – река, на берегах которой живут люди, у которых голова растет прямо между плеч. Их глаза расположены на плечах, а рты – посередине груди».

Путешествия Гулливера (1598)

«К западу от Каролинских островов живет народ под названием Каннибалы, и среди них Эвайпономы – люди без голов».

Вальтер Скотт «Открытие Гуаны»

«...Говорил
О сказочных пещерах и пустынях,
Ущельях с пропастями и горах,
Вершинами касающихся неба,
О каннибалах – то есть дикарях,
Друг друга поедающих, о людях,
Которых плечи выше головы».¹

Шекспир «Отелло»

Директор Бюро регистрации, жизнеобеспечения и похорон был невысоким человеком, с румянцем на щеках и темными, глубоко посаженными глазами, а его высокий лоб обрамлял густой ореол пышных белокурых волос, редящих ближе к затылку, – светлые вихры вздымались, словно волны над розоватым островом лысой макушки. Его рукопожатие было уверенным и сильным, хотя не слишком уверенным и не слишком сильным: он привык пожимать и артритные пальцы.

¹ Пер. Б. Пастернака.

– Спасибо, что пришли, – сказал он. Он выпустил мою руку, обхватил толстыми пальцами мой локоть и повел меня вдоль пустого коридора к своему офису.

– А где все? – спросил я.

– Завтрак, – ответил он.

Его офис находился в дальнем конце помещения – захламленная комната, ужас клаустрофобика. Почти все пространство занимал рабочий стол из красного дерева со сломанной передней ножкой, которую кто-то попытался сделать устойчивее, подложив под нее книгу. На полу лежал потертый, некогда белый ковер. Стол был завален высокими покосившимися пачками бумаги, картонных папок, газет и журналов и книгами типа «Наследование земельной собственности» или «Как сказать “прощай” тем, кого любишь». Позади кожаного кресла на подставке стояла фотография в рамке. На ней была изображена пожилая женщина. Она смотрела в объектив так хмуро, словно говорила: «Как ты смеешь фотографировать меня?!» Я решил, что это жена директора.

Он опустился в кресло и спросил:

– Ну, как продвигается книга?

– Она уже вышла, – ответил я. – Месяц назад.

Я достал один экземпляр из портфеля и протянул директору. Он что-то пробормотал, пролистал несколько страниц, поджал губы, сдвинул густые брови над темными глазами.

– Что ж, рад, что и я внес свою лепту, – сказал он и протянул мне книгу обратно. Я сказал, что он может оставить ее себе. Книга на несколько минут зависла между нами, пока он судорожно искал взглядом на столе стопку, на которой эта книга имела бы шанс удержаться хотя бы ненадолго. В итоге она исчезла в ящике стола.

С директором мы познакомились год назад. В то время я исследовал вторую книгу в серии Альфреда Кроппа. Там в кульминационный момент герой оказывается в Дьявольской дыре, колодце глубиной в пятьсот футов, расположенном в северо-западной части города. Меня интересовали народные легенды и сказания об этом месте, а директор оказался так любезен, что познакомил меня с несколькими старожилками, которые родились и выросли именно там и знали рассказы об этих мифических «адовых вратах». Теперь на этом месте располагался государственный парк, – видимо, нечистый отступил, узрев такое количество туристов, палаток и путешественников.

– Спасибо, – сказал директор. – Я прочту и дам почитать остальным.

Я ждал, что еще он скажет; я прибыл сюда по его приглашению. Он неловко заерзал в кресле.

– Вы сказали по телефону, что хотите мне кое-что показать, – мягко подтолкнул я его к разговору.

– Ах, да!

Казалось, он испытал облегчение от того, что я первым затронул тему, и теперь быстро заговорил:

– Когда мы нашли это среди его имущества, вы были первым человеком, о котором я подумал. Меня словно осенило – это точно будет по вашей части.

– Что нашли? Среди чьего имущества?

– Уилла Генри. Уильяма Джеймса Генри. Он отошел в мир иной в прошлый четверг. Наш самый старый житель. Не думаю, что вы с ним встречались.

Я отрицательно помотал головой.

– Сколько ему было лет?

– Ну, мы не вполне уверены. Он был нищим – ни документов, ни живых родственников. Но он утверждал, что родился в тысяча восемьсот семьдесят шестом.

Я уставился на него, открыв рот.

– Это значит, ему был сто тридцать один год?!

- Нелепо, да, я понимаю, – сказал директор. – Мы считаем, что ему было за девяносто.
– И что вы там у него нашли, что заставило вас вспомнить обо мне?

Он открыл ящик стола и вытащил пачку из тринадцати толстых тетрадей, перетянутую коричневой бечевкой. Однотонные кожаные обложки выпвели до кремового оттенка.

– Он никогда ни с кем не разговаривал, – сказал директор, нервно теребя бечевку. – Только назвал нам свое имя и год рождения. Казалось, он очень гордился и тем, и другим. «Меня зовут Уильям Джеймс Генри, и я родился в год Господа нашего тысяча восемьсот семьдесят шестой!» – провозгласил он, помнится, так, чтобы его услышали все – и те, кому было до этого дело, и те, кому нет. Но что касается всего остального – откуда он родом, каких кровей, как он попал в дренажную штольню, где он был обнаружен, – молчание. Слабоумие в последней стадии, сказал мне врач, и, разумеется, у меня не было оснований сомневаться в этом... пока мы не нашли вот это, завернутое в полотенце, у него под кроватью.

Я взял пачку тетрадей у директора из рук.

– Дневник? – спросил я.

Он пожал плечами:

– Не смущайтесь. Откройте ту, что сверху, и прочтите первую страницу.

Я так и сделал. Почерк был необычайно аккуратным, хотя и мелким – почерк человека, учившегося в традиционной школе, где программа обучения включала в себя уроки чистописания и каллиграфии. Я прочел первую страницу, потом вторую, затем еще пять. Открыл одну наугад. Прочел ее дважды. Читая, я слышал, как тяжело дышит директор, прямо-таки пыхтит и фыркает, как лошадь после быстрого забега.

– Ну, как? – спросил он.

– Понимаю, почему вы подумали обо мне, – ответил я.

– Разумеется, вы должны вернуть их мне, когда закончите.

– Разумеется.

– Закон требует от меня хранить его имущество на случай, маловероятный впрочем, если кто-то из родственников будет претендовать. Мы разместили объявление в газете и отправили все надлежащие запросы, но такого рода вещи случаются, боюсь, слишком часто. Человек умирает – и нет никого на свете, кто претендовал бы на его имущество.

– Грустно.

Я открыл наугад другую тетрадь.

– Я не все их читал – у меня просто нет времени, – но мне чрезвычайно любопытно будет узнать, что там. Возможно, это – ключи к его прошлому: кем он был, откуда – все такое. Может, поможете нам найти родственников. Хотя из того немногого, что я прочел, я понял, что это скорее всего не дневник, а вымысел – роман, может быть. Беллетристика.

Я согласился, что, вероятно, почти все это придумано – судя по тем страницам, что я прочел.

– Почти?! – спросил он, как мне показалось, радостно и смущенно. – Ну, я думаю, всякое на свете бывает, хотя некоторые вещи значительно более вероятны, чем другие!

* * *

Я забрал тетради домой и положил их на письменный стол, где они пролежали нетронутыми почти полгода – всё руки не доходили. Мне надо было в срочном порядке сдавать другую книгу, сроки поджимали, и я просто не в состоянии был заставить себя погрузиться с головой в то, что я считал тогда бессвязным бредом стопроцентного безумца. Звонок от директора, раздавшийся однажды зимой, вынудил меня развязать потертую бечевку на тетрадах и перечитать первые необыкновенные страницы, но дальше этого дело не сильно продвинулось. Почерк был таким мелким, а страниц так много, и исписаны они были с двух сторон, что я просто пробежал

глазами первую книгу, отметив, что записи велись на протяжении месяцев, если не лет: цвет чернил, например, поменялся с черного на синий, а потом снова на черный, как будто ручка исписалась или ее потеряли.

И только после Нового года я прочел первые три книги подряд, не отрываясь, за один присест, от первой страницы до последней. Расшифровка вышеупомянутых книг здесь и прилагается, с исправлениями только лишь в правописании и в некоторых архаичных грамматических формах.

Рик Янси

Гэйнесвилль, Флорида

Январь, 2009

Книга первая

Ученик

Часть первая

«Из чистого любопытства»

Это – тайны, которые я хранил. Это – доверие, которое я ни разу не обманул. Но теперь он мертв, и мертв уже более сорока лет – тот, кто оказал мне доверие, тот, ради кого я хранил эти тайны.

Тот, кто спас меня... и тот, кто обрек меня на великие мучения.

Я не помню, что ел сегодня на завтрак, но помню со страшной отчетливостью ту весеннюю ночь 1888-го, когда он выдернул меня из сна, грубо тряся за плечо. Его волосы были всклокочены, глаза широко распахнуты. Они сияли в свете лампы, а точеные черты лица озаарило то возбужденное выражение, с которым я, к сожалению, был уже хорошо знаком.

– Вставай! Вставай, Уилл Генри, да поторапливайся! – шипел он. – У нас посетитель!

– Посетитель? – пробормотал я в ответ. – А сколько сейчас времени?

– Начало второго. Давай одевайся, встретимся у заднего входа. Пошевеливайся, Уилл Генри, поднимайся!

Он вышел из моего алькова – маленькой комнатки на чердаке, – забрав с собой лампу. Я оделся в темноте и помчался вниз по лестнице в носках, натягивая на ходу мягкую шапочку. Для моей двенадцатилетней головы она была слишком маленькой, но я ей очень дорожил, потому что это было единственное, что осталось у меня от прошлой жизни.

Он зажег весь свет в коридоре на втором этаже, хотя только одна лампа горела на первом, в кухне, в глубине старого дома, где жили лишь мы вдвоем, даже без прислуги, которая могла бы следить и убирать за нами. Врач – профессия интимная, дело темное и опасное. Он не может позволить любопытным глазам и болтливым языкам вторгаться в свою частную жизнь, а с прислугой куда ты от этого денешься? Так что когда грязь и пыль в доме едва уже не лезли наружу (примерно раз в три месяца), он совал мне в руки тряпку с ведром и командовал: «Пошевеливайся, Уилл Генри, пока мы совсем не заросли грязью!»

Сейчас я шел на свет из кухни, совершенно позабыв в спешке надеть ботинки. С тех пор как я год назад поселился у Доктора, я привык к ночным посетителям. К Доктору вообще чаще приходили ночью, а не утром. Дневных посетителей я вообще как-то не припомню. И приходили к нему не жизнерадостные жители окрестностей. Дело его, как я уже сказал, было опасным и темным. Такими же, в целом, были и люди, которые к нему обращались.

Человек, который пришел сегодня ночью, стоял прямо за задней дверью – долговязый, неуклюжий и тощий. Его тень, словно призрак в лунном свете, падала на блестящий булыжник мостовой. Лицо было прикрыто широким краем соломенной шляпы, но я видел скрюченные суставы пальцев, торчащие из потрепанных рукавов ветхой одежды, и желтые лодыжки, которые выступали из потертых брюк, а на них – шишки размером с яблоко. За спиной старика переминалась с ноги на ногу и фыркала лошадь, точнее, остов лошади, и пар поднимался из ее подрагивающих ноздрей. Позади лошади, едва различимая в тумане, стояла телега с каким-то очень странным грузом, завернутым в несколько слоев мешковины.

Когда я подошел к двери, Доктор тихо разговаривал со стариком, успокаивающе положив руку тому на плечо, потому что ясно было, что старик с ума сходит от страха. Он правильно поступил, уверял его Доктор. Теперь всю ответственность берет на себя он, Доктор. Все будет

хорошо. Бедняга кивал, и его большая голова под соломенной шляпой казалась еще больше на тонкой и длинной шее.

– Это преступление. Преступление против природы! – воскликнул старик в какой-то момент. – Мне не надо было забирать это. Мне надо было зарыть все обратно и оставить на милость Божию!

– Я не теолог, Эразмус, – сказал Доктор. – Я – ученый. Но разве не сказано, что мы – орудие в руках Его? И если так, то Бог привел тебя к ней, а вместе с ней – к моему порогу.

– Так вы не донесете на меня? – спросил старик, пугливо косясь на Доктора.

– Я надежно сохраняю твою тайну, так же, как и ты, надеюсь,охранишь мою. А, вот и ты, Уилл Генри! Уилл Генри, где твои ботинки? Нет, нет, – сказал он, как только я рванул было за ними, – ты нужен мне без промедления. Приготовь лабораторию.

– Да, Доктор, – бодро ответил я и снова повернулся, чтобы бежать.

– И поставь чайник. Ночь предстоит долгая.

– Слушаюсь, сэр, – сказал я. И повернулся в третий раз.

– И найди мои сапоги, Уилл Генри.

– Обязательно, сэр.

Я в сомнении замер, ожидая четвертую команду. Старик по имени Эразмус смотрел на меня во все глаза.

– Ну, чего ты еще ждешь? – прикрикнул Доктор. – Пошевеливайся, Уилл Генри!

– Да, сэр, – сказал я. – Уже бегу.

Я оставил их одних, но я слышал, пробегая через кухню, как старик спрашивает: «Это ваш слуга?»

– Он – мой ассистент.

Я поставил воду на огонь, чтобы вскипятить, а сам отправился вниз, в подвал. Там я зажег лампы, разложил инструменты (я не был уверен, какие именно инструменты понадобятся, но у меня было сильное предчувствие, что то, что принес старик, – уже не живое). Из старой телеги не доносилось никаких звуков, и, судя по всему, никто не спешил как можно скорее доставить ношу в лабораторию... хотя, возможно, в моем предчувствии было больше надежды, чем подозрений. Я вынул из шкафа белый медицинский халат Доктора и полез рукой под лестницу, шаря там в поисках его резиновых сапог. Но их там не было. На секунду я замер перед лабораторным столом; меня окатил холодный пот. Я же мыл их неделю назад! И был уверен, что поставил потом под лестницу. Где же сапоги Доктора?! Из кухни сверху донеслись звуки шагов. Он уже идет сюда, а я потерял его сапоги!

Я нашел их в тот самый миг, как Доктор и Эразмус Грей начали спускаться вниз по ступенькам. Сапоги были под рабочим столом – там, где я их и оставил. Почему я положил их туда? Я быстро разместил сапоги у табуретки и замер в ожидании. Сердце мое билось в горле, дыхание было частым и прерывистым. В подвале было очень холодно, на десять градусов как минимум холоднее, чем в остальной части дома. Так было всегда, круглый год.

Их ноша, туго завернутая в мешковину, должно быть, была очень тяжелой: мышцы на их шеях выступили буграми от напряжения, и спускались они болезненно медленно. Один раз старик взмолился о передышке. Они остановились в пяти ступенях от пола, и я заметил, что Доктора раздражает такое промедление. Он горел нетерпением поскорее развернуть «новинку».

Они уложили ношу на медицинский стол. Доктор подвел старика к табурету. Тот опустился, снял соломенную шляпу и вытер лоб какой-то грязной тряпкой. Он хмурился, его немилосердно трясло. При свете я разглядел, что он был весь грязный и потертый, от покрытых комьями земли сапог, которые явно не мылись неделями, до обломанных ногтей и глубоких черных морщин на спекшемся старом лице. Я почувствовал исходящий от него густой суглинистый запах мокрой земли.

– Преступление, – пробормотал он. – Преступление!

– Да, грабить могилы – это преступление, – сказал Доктор. – Серьезное преступление, Эразмус. Штраф в тысячу долларов и пять лет каторжных работ.

Он надел рабочий халат и потянулся за сапогами. Облокотился о перила, чтобы натянуть их.

– Мы теперь в одной упряжке. Я должен доверять тебе, а ты, в свою очередь, должен доверять мне. Уилл Генри, где мой чай?

Я рванул вверх по лестнице. Внизу старик продолжал говорить:

– Я должен кормить семью. Моя жена, она очень больна; ей нужны лекарства. Я не могу найти работу, а что толку мертвым от золота и драгоценностей?

Они оставили заднюю дверь дома приоткрытой. Я захлопнул ее и накинуд крючок, но не раньше, чем осмотрел переулок. Я ничего не увидел, кроме тумана, который сгустился еще больше, и лошади, чьи огромные глаза выделялись на тощей морде и, казалось, молили меня о помощи.

Пока я готовил чай, я слышал голоса, то громкий, то тихий. Эразмус говорил с истеричными тонкими нотами, Доктор отвечал ему ровно и спокойно, но за этим спокойствием я чувствовал скрытое нетерпение, вызванное, вне всякого сомнения, желанием как можно скорее развернуть страшный сверток, привезенный стариком.

Ноги без ботинок очень замерзли, но я изо всех сил старался этого не замечать. Я поставил на поднос сахар, сливки и две чашки – хотя Доктор и не просил о второй, я подумал, что старику неплохо было бы успокоить расшалившиеся нервы и выпить горячего после того, что он пережил.

– ...копал, как вдруг земля подо мной сама обвалилась, – рассказывал старый расхититель могил, как раз когда я спускался по лестнице с подносом в руках. – Как будто я докопался до пустоты, до какой-то дырки в земле. Я шмякнулся лицом прямо о крышку гроба. И то ли я ее пробил головой, то ли ее сломал... сломало это... до того, как я упал.

– Крышку сломал не ты, это точно, – сказал Доктор.

С момента моего ухода в лаборатории ничего не изменилось: Доктор все так же стоял, опершись о перила, а старик сидел, трясясь, на табурете. Я поднес ему чашку чаю, и он с благодарностью принял к ней.

– О, меня до сих пор холод пробирает до костей! – простонал он.

– Да, весна нынче холодная, – заметил Доктор.

Мне бросилось в глаза, что его томит присутствие старика. Он жаждал немедленно начать действовать.

– Я не мог просто взять и оставить это там, – объяснял старик. – Просто прикрыть обратно и бросить? Нет, нет. Во мне все же больше уважения. Во мне есть страх Божий. И страх перед Вечным Судом! Преступление, Доктор! Отвратительное, гадкое преступление! Так что как только я собрался с духом, я с помощью лошади и веревки вытащил их из ямы, завернул... и привез сюда.

– Ты правильно поступил, Эразмус.

«Есть только один человек, который знает, что с этим делать, – подумал я. – Простите меня, но вы, конечно, знаете, что говорят про вас и про невероятные вещи, происходящие в этом доме. Только глухой не слышал о Пеллиноре Уортропе и доме на Харрингтон Лейн!»

– Тогда мне просто повезло, что ты не глухой, – сухо сказал Доктор.

Он подошел к старику и положил обе руки ему на плечи:

– Даю тебе слово, что буду молчать обо всем этом, Эразмус Грей. И, надеюсь, ты тоже. Я никому не расскажу о твоей причастности к этому «преступлению», как ты его называешь, и я уверен, ты будешь держать рот на замке относительно меня. Теперь возьми вот это – тебе на нужды...

Доктор достал из кармана несколько купюр и вложил их в руку старика.

– Не хочу, чтобы ты подумал, будто я тебяставляю, но каждая минута, проведенная здесь тобою, ставит под угрозу твою жизнь и мою работу. И то, и другое важно для меня, хотя одно, возможно, немного важнее другого, – добавил он с натянутой улыбкой и обернулся ко мне: – Уилл Генри, проводи нашего гостя до дверей.

Он снова посмотрел на Эразмуса Грея:

– Сэр, вы оказали неоценимую услугу науке.

Казалось, старика больше заинтересовал денежный эквивалент неоценимой услуги, так как он, открыв рот, во все глаза рассматривал деньги, вложенные в его все еще дрожащие руки. Доктор Уортроп помог ему подняться на ноги и настойчиво подвел к лестнице, одновременно напоминая мне не забыть запереть заднюю дверь и найти свои ботинки.

– И не возись там долго, Уилл Генри. У нас тут работы на всю ночь. Пошевеливайся!

Старый Эразмус Грей еще потоптался на пороге, положив грязную руку мне на плечо, а другой крепко сжимая потертую соломенную шляпу. Его слезящиеся глаза вглядывались в туман, теперь уже полностью поглотивший и лошадь, и телегу. Только лошадиное фырканье да тихий стук копыт о булыжник свидетельствовали о том, что животное все еще ждет.

– Зачем ты здесь, мальчик? – спросил старик неожиданно, сжав мое плечо. – Не детское это дело.

– Мои родители погибли при пожаре, сэр, – ответил я. – Доктор взял меня к себе.

– Доктор, – эхом повторил Эразмус. – Все называют его так, но что именно он за доктор?

Доктор абсурдного и нелепого, мог бы ответить я. Доктор необъяснимого и странного. Доктор невыразимого. Вместо этого я выдал ему тот же ответ, который сам получил от Доктора вскоре после того, как стал жить в доме на Харрингтон Лейн.

– Философии, – сказал я не очень уверенно.

– Философии! – воскликнул старик приглушенно. – Не так бы я это назвал, уж точно – не так.

Он нахлобучил шляпу на голову и побрел в тумане, пока тот не поглотил его.

Несколькими минутами позже я спускался вниз по лестнице в подвал, в лабораторию. Я уже запер дверь и нашел ботинки, после нескольких минут лихорадочных поисков обнаружив их ровно там, где и оставил прошлым вечером. Доктор тем временем ждал меня у подножия лестницы, нетерпеливо барабанил пальцами по перилам. По всему было видно, что «пошевеливался» я, по его меркам, плохо. Что до меня, то я не слишком стремился приступить к предстоящим делам. Уже не в первый раз кто-нибудь подкатывал к задней двери нашего дома среди ночи с жутким грузом, хотя сегодняшний, надо признать, был самым громоздким за все время моего проживания у Доктора.

– Ты запер двери? – спросил он.

Я снова отметил лихорадочный румянец на его скулах, слегка прерывистое дыхание, едва заметную дрожь в голосе. Я ответил, что да, запер. Он кивнул.

– Если то, что он говорит, правда, Уилл Генри, если меня не одурачили (что случилось бы не в первый раз), то это потрясающая находка. Идем же!

Мы заняли свои места: Доктор – у стола, на котором лежал огромный сверток в заляпанной грязью мешковине, я – позади и немного справа от него, у столика на колесах, на котором расположились инструменты. Карандаш и записная книжка также были наготове. Рука у меня немного тряслась, когда я писал число на верху страницы – 15 апреля 1888 года.

Доктор натянул перчатки, и они звонко хлопнули на запястьях. Потопал сапогами по холодному мраморному полу. Надел маску на лицо, оставив открытыми лишь переносицу и темные глаза с напряженным взглядом.

– Уилл Генри, мы готовы приступить? – выдохнул он; звук его голоса приглушала маска. Он пошевелил пальцами в воздухе.

– Готовы, сэр, – ответил я, хотя чувствовал все, что угодно, кроме готовности приступить.

– Ножницы!

Я поспешно вложил инструмент кольцами вперед в подставленную ладонь.

– Нет, не эти. Большие, Уилл Генри, вон те.

Он начал разрезать сверток с узкого конца – с того, где должны были располагаться ступни, – продвигаясь выше, вспарывая толстую ткань. Плечи его ссутулились, челюсти сжались. Один раз он остановился, чтобы разогнуть и размять сведенные судорогой пальцы, потом снова продолжил. Ткань была мокрой и пропитанной грязью.

– Старик скрутил его потуже рождественской индейки, – пробормотал Доктор.

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем он достиг противоположного конца. Сверток раскрылся на дюйм-другой вдоль линии разреза, но не больше. Содержимое оставалось тайной, и оставалось ею еще несколько секунд. Доктор протянул мне обратно ножницы и облокотился о стол, делая передышку перед приближающимся ужасным финалом. Наконец, он выпрямился и потянулся, приложив ладони к пояснице. Он сделал глубокий вдох.

– Что ж, очень хорошо, – сказал он мягко. – Давай уже посмотрим, Уилл Генри.

Он стал потихоньку сдвигать ткань, работая в том же направлении, в каком делал надрез. Мешковина раскрылась и упала по обе стороны стола неровными складками, словно лепестки цветка распустились, приветствуя весеннее солнце.

И вот, встав на цыпочки, выглядывая из-за согнутой спины Доктора, я увидел их. Не его, не огромный раздувшийся труп, который я ожидал увидеть, а именно их. Два тела – одно, обвитое вокруг другого в омерзительном объятии. Я слотнул желчь, подступившую из моего пустого желудка к горлу, и приказал коленям не дрожать. Помните: мне было двенадцать лет. Мальчик, да. Но мальчик, который уже достаточно странностей и мерзостей повидал на своем веку. В лаборатории вдоль стен шли полки, на которых стояли большие медицинские банки, а в них в специальном растворе плавали непонятные предметы, конечности и органы, которые вы бы никогда не узнали и которые уверенно отнесли бы к миру ужасов и кошмарных сновидений. Невозможно было представить, что они – из нашего уютного и реального, такого узнаваемого мира. К тому же, как я уже говорил, я не впервые ассистировал Доктору у этого стола.

Однако ничто не могло подготовить меня к тому, что я увидел той ночью, – к тому, что привез нам старик. Возьму на себя смелость утверждать, что любой обычный взрослый человек, увидев это, вылетел бы из лаборатории, вопя от ужаса, кинулся бы вверх по лестнице и пустился бы бежать – прочь, прочь из этого дома! Потому что то, что оказалось внутри кокона из мешковины, налагало позор на все банальные, избитые фразы и обещания, которые все время произносят проповедники с тысячи кафедр, – о природе справедливого и любящего Творца, о гармоничной и доброй Вселенной, о высоком происхождении Человека. Преступление, так назвал это старый расхититель могил. Вот уж и вправду лучшего слова было бы не подобрать, хотя для преступления необходимо наличие преступника... а кто или что являлось преступником в данном случае?

На столе лежала юная девушка. Ее тело было частично скрыто обнаженным существом, обвитым вокруг нее. Одна массивная нога была перекинута через ее торс; рука закрывала наискось ее грудь. Ее белое погребальное платье было покрыто характерными пятнами цвета охры – пятнами запекшейся крови. И откуда текла эта кровь, тут же стало очевидно: половина лица у нее отсутствовала, а под тем местом, где оно раньше было, я увидел обнаженные кости ее шеи. Оставшаяся кожа свисала по краям лоскутьями треугольной формы, как будто кто-то кромсал тело топором.

Другой труп был мужской, больше ее по меньшей мере раза в два. Он обвивал ее миниатюрную фигурку, словно мать, баюкающая младенца. Его грудная клетка была в нескольких дюймах от ее разорванной шеи, остальная часть туловища плотно прижата к ней. Но самым ужасающим был не размер и даже не сам поразительный факт наличия этого мужского трупа.

Нет, самым поразительным в этой поразительнейшей из сцен было то, что у него не было головы.

– Антропофаг, – пробормотал Доктор. Его глаза расширились и теперь сверкали поверх маски. – Это должно быть... но как это возможно?! Это уму непостижимо, Уилл Генри. Достаточно странно уже то, что он мертв. Но еще более невероятно, и это главное, что он вообще здесь!.. Особь мужского пола, возраст приблизительно двадцать пять – тридцать пять лет, признаков наружных повреждений или травм нет... Уилл Генри, ты записываешь?

Он уставился на меня, я в ответ уставился на него. Зловоние смерти уже заполнило комнату, из-за этого запаха глаза у меня заслезились. Доктор указал на забытую мной записную книжку, которую я зажал в руке.

– Сосредоточься на текущей работе, Уилл Генри.

Я кивнул и вытер слезы тыльной стороной ладони. Я прижал заточенный конец карандаша к бумаге и начал писать под проставленной датой.

– Экземпляр представляет собой биологический вид под названием Антропофаг, – повторил Доктор. – Особь мужского пола, возраст приблизительно двадцать пять – тридцать пять лет, признаков наружных повреждений или травм нет...

Сосредоточившись на задании записывать каждое слово Доктора, я немного успокоился, хотя ощущал нездоровое искушение, тянущее меня вновь посмотреть на стол, – словно откапываемая волна, затягивающая пловца обратно в море, когда он хочет выйти из воды. Я покусывал кончик карандаша, изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на правописании слова «Антропофаг».

– Жертва – женщина, приблизительно семнадцати лет, с ярко выраженной рваной раной на правой стороне лица и шее. Гиоидная кость и нижняя челюсть полностью уничтожены. Остались видны следы зубов особи...

Зубов? Но у этого... у него же нет головы! Я оторвался от блокнота. Доктор Уортроп стоял, согнувшись над трупами, неожиданно закрыв мне обзор. Что это за существо, которое может кусать, не имея рта, которым кусают? И вот именно на границе с этим вопросом в моем сознании произошел переворот. Меня осенило: это существо ее ело.

Доктор быстро перешел к противоположной стороне стола, открыв мне полный обзор «особи» и его жалкой жертвы. Это была хрупкая девушка с темными волосами, рассыпавшимися сейчас по столу роскошными завитками.

Доктор нагнулся над останками и, прищурившись, посмотрел сначала на грудь зверя, прижатую к жертве, затем на тело девушки, чей вечный покой был нарушен безобразным, противоестественным объятием пришельца из мира теней и кошмаров.

– Да! – воскликнул он тихо. – Определенно Антропофаг. Щипцы, Уилл Генри, и поддон, пожалуйста... нет, вон тот маленький, рядом с долотом для черепа. Да, вот этот.

Каким-то образом я нашел в себе силы сдвинуться с места, хотя колени у меня страшно дрожали и я в буквальном смысле не чувствовал своих ног. Я старался смотреть только на Доктора и изо всех сил сдерживал то и дело подкатывающие рвотные позывы. Я передал ему щипцы и протянул поддон; руки у меня тряслись, я пытался подольше не вдыхать, так как вонь от гниющей плоти обжигала мне рот и оседала слоем в горле, подобно ожогу.

Доктор Уортроп полез щипцами в грудную клетку чудища. Я услышал, как металл наткнулся на что-то твердое – сломанное ребро? Неужели это существо тоже отчасти пострадало? И если так, то где монстр, что проделал с ним это?

– Очень любопытно, очень любопытно, – сказал Доктор; голос его приглушала маска. – На первый взгляд, никаких наружных следов травмы, но, однако, он мертв, как дверной гвоздь... Что убило тебя, Антропофаг, а? Каким образом настигла тебя твоя судьба?

По мере того как он говорил, Доктор стряхивал тонкие лоскутки плоти с щипцов в металлический поддон. Они были темными и волокнистыми, как вяленое мясо; к одной-двум нитям

пристали кусочки белой ткани, и я вдруг понял, что он кидает в поддон вовсе не плоть монстра, это была плоть с лица и шеи девушки.

Я посмотрел вниз между своих протянутых рук туда, где работал Доктор, и увидел, что он очищает не сломанное ребро. Он чистил зубы монстра.

Комната вокруг меня начала вращаться. Доктор заговорил успокаивающим, тихим голосом:

– Держись, Уилл Генри. Ты не сможешь мне, если потеряешь сознание. Этой ночью мы исполняем свой долг. Мы на посту. Мы – студенты природы, так же как и ее продукт, все мы, включая и это создание. Рожденные одним и тем же Божественным разумом, если ты веришь в такое, потому что как же иначе? Мы солдаты науки, и мы исполним свой долг. Да, Уилл Генри? Да, Уилл Генри?

– Да, Доктор, – икнул я. – Да, сэр.

– Молодец!

Он бросил щипцы в металлический поддон. Пальцы его перчаток были в крови и ошметках кожи.

– Принеси мне долото.

Я с облегчением вернулся к столику с инструментами. Однако, прежде чем принести долото, я попытался набраться, как истинный солдат науки, решимости для следующей атаки.

Хотя у Антропофага и не было головы, у него имелась пасть. Или зубы. Их концы были, как у акулы, и сами зубы были подобны акульным: треугольные, зазубренные, молочно-белые. Они располагались рядами, которые шли к центру пасти из темной глубины горла.

Сама пасть находилась прямо под гигантской мускулистой грудью, в пространстве между пахом и грудной клеткой. У монстра не было носа (я, по крайней мере, его не видел), а вот слепым он при жизни не был: его глаза (из которых, должен признаться, мне удалось увидеть только один) были расположены на плечах, по обе стороны пасти. Глаза были абсолютно черные. Век на них не было.

– Пошевеливайся, Уилл Генри! – поторопил Доктор. Видимо, я набирался решимости слишком долго. – Подкати столик с инструментами ближе; ты вымотаешься весь, бегая туда-сюда.

Когда столик и я оказались поставлены так, как Доктору было удобно, он потянулся к телам, а я вложил долото в его ладонь. Он просунул инструмент на несколько дюймов в пасть монстра и дернул вверх, используя долото как лапчатый лом, чтобы пошире разомкнуть челюсти чудища.

– Щипцы!

Я вложил ему в свободную руку щипцы. Я стоял и смотрел, как они погружаются в клыкастую пасть... все глубже и глубже... пока вся рука Доктора не исчезла. Мышцы его плеча напряглись – он вращал запястьем там, внутри, исследуя щипцами заднюю часть глотки монстра. Капельки пота выступили у него на лбу. Я промокнул его несколько раз сухой марлей.

– Он сообразил бы вырыть себе дырку для воздуха, чтоб дышать, – так что он не задохнулся, тут что-то другое, – бормотал Доктор. – Ни видимых ран... ни деформаций... ни поверхностных признаков травмы... Ага!

Его рука замерла. Плечо дернулось, пытаясь вытащить щипцы.

– Крепко застряло. Мне понадобятся обе руки. Возьмись за долото, Уилл Генри, и держи его изо всех сил – если надо, то и двумя руками, вот так. Главное, не дай ему соскользнуть сейчас, а то пасть захлопнется, и я лишусь обеих рук. Да, вот так. Молодец. Э-эх!!!

Он дернул щипцы и отлетел от стола, едва не упав, но сохранил баланс с помощью левой руки. Правой он сжимал щипцы, а в щипцах – спутанную нить жемчужных бус, покрытых розовыми пятнами крови.

Крепко встав на ноги, монстролог поднял высоко вверх добычу, полученную им с таким трудом.

– Я знал! – воскликнул он. – Вот они, виновники смерти Антропофага, Уилл Генри. Должно быть, он сорвал бусы с ее шеи в приступе бешенства, и они застряли у него в глотке. Он подавился ими насмерть!

Я выпустил из рук долото, отошел от стола и уставился на алые бусы, свисающие с руки Доктора. Они были матовыми от запекшейся и еще свежей крови, и я почувствовал, что сам воздух вокруг меня загустел, отказываясь полностью заполнить легкие. Колени у меня подогнулись, и я опустился на табурет, изо всех сил пытаюсь дышать. Доктор по-прежнему не обращал внимания на то, в каком я состоянии. Он бросил бусы в поддон и потребовал подать ножницы. Да ну его, подумал я. Пусть сам ищет свои ножницы. Он повторил просьбу, все еще стоя спиной ко мне, протягивая руку с окровавленными пальцами, сжимая их и разжимая. Я поднялся с табурета, прерывисто вздохнул и вложил ножницы в его руку.

– Из чистого любопытства, – пробормотал он, разрезая на девушке погребальное платье сверху вниз. – Антропофаги – не местные жители Америки... Северная и Восточная Африка, Каролинские острова, но не здесь. Здесь их никогда не было!

Осторожно, почти нежно, он отделил ткань, обнажая идеальную алебастровую кожу девушки.

Доктор Уортроп прижал конец стетоскопа к ее животу и стал сосредоточенно вслушиваться, продвигая инструмент к ее груди, потом снова вниз, вокруг пупка, пока, вернувшись к тому месту, с которого начал, он не остановился, закрыв глаза, едва дыша. Так, замерши, простоял он несколько секунд. Тишина была оглушающая.

Наконец, он вытащил стетоскоп из ушей:

– Как я и подозревал.

Он указал на рабочий стол:

– Подай банку, Уилл Генри. Одну из самых больших.

Он велел мне открыть крышку и поставить открытую банку на пол рядом с ним.

– Держи крышку наготове, Уилл Генри, – скомандовал он. – Мы должны действовать очень быстро. Скальпель!

Он склонился над работой. Признаться ли мне, что я отвернулся? Что я не мог позволить своему взгляду задержаться на этом блестящем лезвии, испарывающем ее безупречную плоть? Потому что, каким бы сильным ни было мое желание порадовать Доктора, произвести на него впечатление своей безупречной выдержкой истинного солдата науки, ничто не могло заставить меня смотреть на то, что произошло дальше.

– По природе своей Антропофаги не питаются падалью, – сказал Доктор. – Они предпочитают свежую добычу, но бывают стимулы посильнее голода, Уилл Генри. Самка Антропофага может зачать, но не может выносить зародыш... у нее отсутствует утроба, видишь ли, так как это место в ее анатомии отдано другому, более жизненно важному органу – ее мозгу... Так, забери скальпель.

Я услышал тихий хлюпающий звук – это он погрузил свой кулак в надрез в животе. Его правое плечо вращалось по мере того, как его пальцы исследовали пространство внутри девушки.

– Но природа находчива, Уилл Генри, и непревзойденно безжалостна... оплодотворенное яйцо перекладывается в рот самца Антропофага, где оно хранится в «мешочке», расположенном вдоль его нижней челюсти. В течение двух месяцев его задачей является найти приют детенышу, прежде чем защитный «мешочек» лопнет и самец проглотит зародыш или подавится им насмерть.

Тело Доктора напряглось и на миг замерло. Затем одним безупречным движением он выдернул из раскрытой раны в животе корчащееся извивающееся нечто – сплошь зубы и плоть,

кукольный вариант чудовища, обвитого вокруг девушки. Оно находилось внутри молочно-белого пузыря, который тут же лопнул, стоило существу, оказавшемуся в руках Доктора, сделать сильный толчок. Вонючая жидкость брызнула во все стороны, промочив Доктору халат и залив его резиновые сапоги. Доктор едва удерживал существо в руках на уровне груди и чуть не выронил: оно извивалось и молотило крошечными руками и ногами, пыталось цапнуть ртом, полным мелких, остро заточенных зубов, и шипело, и плевалось.

– Банку! – крикнул он.

Я подтолкнул банку прямо к его ногам. Он бросил существо внутрь, и меня не понадобилось торопить, чтобы я тут же захлопнул крышку.

– Закручивай крышку плотнее, Уилл Генри! – сказал Доктор, тяжело дыша.

Крошечный Антропофаг плевался и бился о стенки банки, забрызгивая стекло околоплодной жидкостью, когти-иглы царапались и скреблись, а рот в центре груди бешено открывался и закрывался, словно у рыбы, выброшенной на сушу. Его тонкие вопли ужаса и боли доносились даже сквозь толстое стекло – это были дерущие душу, нечеловеческие звуки, которые я обречен слышать до последнего дня своей жизни.

Доктор Уортроп поднял банку с пола и поставил на скамью. Он обмакнул кусок ваты в смесь галотана со спиртом, бросил его в банку и плотно закрутил крышку. Маленький монстр набросился на белый комок, разрывая его своими крошечными зубами на мелкие кусочки и заглатывая их. Его агрессия ускорила эффект эвтаназии: меньше чем через пять минут нечестивое отродье было уже мертво.

Часть вторая

«Его услуги мне необходимы»

Прервавшись всего лишь дважды: один раз – чтобы выпить чашку чаю около трех часов ночи и один – чтобы облегчиться около четырех часов, монстролог работал всю ночь и большую часть следующего дня, хотя уже не с таким поспешным остервенением, с каким он извлекал омерзительную тварь, разраставшуюся внутри труп девушки.

– По истечении полного срока, – объяснял он мне сухим, лекторским голосом, и этот официальный тон как-то смягчал ужас того, о чем он говорил, – набравший силу зародыш Антропофага вырывается из околоплодной среды и немедленно начинает кормиться телом, приютившим его, – до тех пор, пока не останется ничего, кроме костей. Но и их он просверливает с помощью иглоподобных зубов – чтобы высосать богатый питательными веществами костный мозг. В отличие от Homo Sapiens, Уилл Генри, зубы у Антропофагов развиваются в первую очередь – раньше, чем все остальное.

Тем временем мы не без усилий разделили два тела. Монстр всадил в жертву абсолютно все свои двухдюймовые ногти до основания. Доктор вытаскивал каждый негнувшийся палец по одному, используя долото как лом.

– Обрати внимание, как заточены его ногти, – подчеркнул он, – как крюк для охоты на кита или передние лапки жука-богомолы. Потрогай кончик, Уилл Генри, – осторожно! Он острый, как шприц, и твердый, как алмаз. Жители тех мест, где обитают Антропофаги, используют их ногти в качестве иголок и наконечников для стрел.

Он снял, наконец, тяжелую лапу с груди девушки.

– Они могут быть крупнее обычного человека на полтора фута. Смотри, какая у него ладонь.

Доктор положил свою ладонь на лапу монстра, запястье к запястью. Рука Доктора выглядела, как детская ладошка, приложенная ко взрослой.

– Подобно льву, он использует когти и привычный вид атаки, но, в отличие от других млекопитающих хищников, он не стремится убить добычу, прежде чем съесть ее. Скорее, подобно акуле или насекомому, Антропофаг предпочитает живую плоть.

От нас обоих потребовалось большое усилие, чтобы отцепить ноги существа от девушки. Немного запыхавшись, Доктор сказал:

– У них самые большие среди приматов ахиллесовы сухожилия, которые дают им возможность передвигаться огромными прыжками, вплоть до сорока футов... обрати внимание на тяжелую мускулатуру трицепсов и четырехглавой мышцы... осторожнее сейчас, Уилл Генри, или он скатится на нас.

Доктор отправил меня освободить место на рабочем столе. Уортроп взялся за плечи монстра, я – за ноги, и вместе мы высвободили труп девушки. Она была такой легкой – весила не больше птички. Доктор сложил ей руки на груди и прикрыл плащом ее оскверненный торс.

– Подготовь чистую простыню, Уилл Генри, – командовал он и затем укрыл ее. Мы постояли немного над прикрытым теперь телом. Ни он, ни я не разговаривали.

Наконец, он вздохнул:

– Ладно, теперь она освободилась от этого. Если здесь уместно слово «милосердие», Уилл Генри, то я скажу: одно хорошо – она не страдала. Она не страдала...

Он хлопнул в ладоши и повернулся; его меланхолия рассеялась на глазах, как только он направился к лабораторному столу, сгорая от нетерпения продолжить знакомство с Антропофагом. Мы передвинули его в центр стола и перевернули на спину. Черные глаза без век на плечах монстра, его многочисленные острые клыки в глубокой распахнутой пасти – все это

больше всего напоминало акулу. Кожа у него тоже была бледной, словно брюхо акулы, и я впервые заметил, что это чудище – совершенно безволосое, что усиливало кошмарное сходство.

– Как и львы, Антропофаги – ночные охотники и способны видеть в темноте, – сказал Доктор, словно читая мои мысли. – Вот откуда слишком большие глаза и полное отсутствие меланина в верхних кожных покровах. Так же, как пантеры, львы, дикие собаки и волки, эти твари – общинные охотники.

– Общинные, сэр?

– Они охотятся стаями.

Он пощелкал пальцами – этот жест означал, что ему нужен новый скальпель.

Началось настоящее глубокое вскрытие. Пока он кромсал чудище, я был занят тем, что писал под его диктовку или подавал инструменты. Я метался от стола к шкафу и обратно к столу, заполнял пустые банки для образцов формальдегидом, в который Доктор погружал органы. Вот он достал один глаз, за ним потянулась перекрученная веревочка нерва. Затем Уортроп вскрыл грудную клетку, как раз прямо над плотоядно распахнутым ртом, используя распорки для ребер, чтобы влезть руками в образовавшееся отверстие и извлечь печень, селезенку, сердце и легкие – серовато-белые и продолговатые, словно спущенные футбольные мячи. Все это время он не прекращал свою лекцию, прерываясь время от времени, чтобы продиктовать измерения и описать состояние некоторых органов.

– Нехватка фолликул, любопытно. Это еще не описано в научной литературе... размер глаза девять и семь сантиметра на семь и три... возможно, это объясняется их естественной средой обитания... Они не эволюционируют в умеренном климате.

Он сделал надрез, погрузил обе руки в образовавшуюся щель и вытащил наружу мозг. Он был меньше, чем я ожидал, размером с апельсин. Доктор положил его на весы, и я сделал запись в маленьком блокноте.

«Ну, – подумал я, – по крайней мере, хоть это хорошо. С таким маленьким мозгом они, вероятно, не так уж умны».

И снова, словно он был способен читать мои мысли, Доктор сказал:

– Сознание у них развито на уровне двухлетнего ребенка, Уилл Генри. Что-то между приматом и шимпанзе. Хотя у них нет языка, они могут общаться с помощью хрюканья, мычания и жестов, чем очень напоминают своих собратьев – приматов, хотя общаются они с куда менее добрыми намерениями.

Я подавил зевок. Нет, мне не было скучно; я просто валился с ног от усталости. Солнце давно уже встало, но в этой комнате без окон, пропитанной смертью и кислотным зловонием химикатов, все еще стояла бесконечная ночь.

Доктор, однако, не выказывал никаких признаков усталости. Я уже видел его и раньше в таком состоянии, когда его охватывала лихорадка работы. Он очень мало ел, спал еще меньше, вся сила и мощь его способности концентрироваться, вся суть его существа, его интеллект, который превосходил умственные способности и знания всех встреченных мной когда-либо людей, – все было направлено на ту задачу, которую он сейчас решал. Бывало, проходили дни, неделя, две недели – а он не брился, не принимал ванну. Он не мог выкроить даже минуты, чтобы причесаться или сменить рубашку, пока, от нехватки пищи и сна, он не начинал напоминать одного из своих исследуемых чудищ: красные глаза, глубоко запавшие в почерневшие круги глазниц, лицо пепельного цвета, одежда, неровно обвисшая на истощенном каркасе тела. Но неизбежно, как ночь сменяет день, огонь его страсти испепелял его сознание и тело, и он, бывало, падал в кровать замертво, словно сраженный тропической лихорадкой, безразличный, болезненно реагирующий на все, – и тем дольше и мучительнее была его депрессия, чем интенсивнее было вдохновение, предшествовавшее ей. Весь день и глубоко за полночь я то и дело носился вверх-вниз по лестнице, таская ему поесть, попить, еще одно одеяло... Я выставлял за порог посетителей («Доктор болен и пока никого не принимает»). Я часами просиживал у его

постели, слушая, как он оплакивает свою судьбу: он работает впустую. Пройдет сто лет, прежде чем хоть кто-то вспомнит его имя, осознает его достижения, восхвалит его труды. Я пытался, как мог, утешить его, уверяя, что придет день, когда его имя будут произносить наравне с именем Дарвина. Но эти детские попытки поддержать его часто презрительно прерывались словами: «Да ты же еще мальчишка. Что ты вообще понимаешь?» – отвечал он, отворачивая от меня голову на подушке. В другое время он, бывало, брал меня за руку, притягивал к себе, заглядывал глубоко в глаза и напряженно шептал, пугая меня: «Ты! Ты, Уилл Генри – вот кто обязан продолжить мое дело. У меня нет семьи и никогда не будет. Ты должен стать памятью обо мне, моей памятью! Ты должен взять на себя груз моего наследия! Обещай, что все это не напрасно?! Ну?!»

И, разумеется, я обещал ему. Потому что это было правдой: я – все, что у него было.

Мне всегда было интересно, а приходило ли в голову ему – этому человеку, о котором возможно было сказать, что другого более неистово, ужасно и волнующе поглощенного своими мыслями и интересами больше нет на свете, – что и обратное тоже было правдой. Он – все, что было у меня.

Его выздоровление порой длилось неделю, иногда две, а потом что-нибудь случалось, приходила телеграмма, или газета, или книга почтой с информацией о новейших открытиях, или среди ночи появлялся важный посетитель, и все вновь шло по кругу. Искра поджигала легко воспламеняющееся вещество. «За дело, Уилл Генри! – кричал он. – У нас много работы!»

Искра, залетевшая в наши двери с появлением Эразмуса Грея тем туманным апрельским утром, к полудню разожгла огонь, раскаляющий добела. После того как все органы Антропофага были вынуты, изучены, занесены в каталог и разложены по банкам для сохранения; после того как все замеры были сделаны; после долгих часов диктовки и лекции о происхождении чудища («Наш друг, должно быть, альфа-самец, Уилл Генри. Только он имеет привилегию размножаться») – после всего этого надо было еще закончить работу. Инструменты должны быть вымыты, пол натерт со щелоком, а каждая поверхность простерилизована до белизны. Наконец, ближе к вечеру, не в силах больше ни минуты держаться на ногах, я опустился на нижнюю ступеньку лестницы – мне было уже плевать, станет ли Доктор бранить меня за праздность. Но тут я вдруг увидел, что он вернулся к телу девушки, откинул простыню и стал накладывать шов на разрез в ее желудке. Он пощелкал пальцами, даже не глядя в мою сторону:

– Принеси-ка жемчуг, Уилл Генри.

Я поднялся и, шатаясь от усталости, подал ему поддон, в котором лежало жемчужное ожерелье. Уже несколько часов оно отмокало в спирту; большая часть крови смылась, окрасив жидкость в довольно приятный розовый цвет. Доктор стряхнул остатки растворителя, расстегнул застежку и бережно уложил переливающуюся белую нить вокруг того, что осталось от шеи девушки.

– Что тут скажешь, Уилл Генри? – пробормотал он, пристально глядя на останки грустными глазами. – Все то, что когда-то смеялось, плакало и мечтало, становится кормом для скота. Судьба привела к ней Антропофага, но если бы не он, то, несомненно, червь, этот не менее прожорливый и алчный зверь, добрался бы до нее. Есть монстры, которые ждут всех нас по нашем возвращении в землю, куда денешься?

Он накинул простыню на лицо девушки и отвернулся.

– У нас не так много времени. Где есть один монстр, там и другие. Антропофаги не особенно плодовиты, у них рождается один-два отпрыска в год. Тем не менее мы не знаем, сколько уже времени они, никем не замеченные, живут здесь, на Новой Земле. Безотносительно того, каково их истинное число, где-то в окрестностях Нового Иерусалима живет размножающееся племя этих людоедов. И его необходимо найти и искоренить – в противном случае они нас погубят.

– Да, сэр, – пробормотал я в ответ. Я почти не чувствовал своей головы, ноги и руки отяжелели, а лицо Доктора расплывалось перед глазами.

– В чем дело? – негодуя спросил он. – Что с тобой? Уж не собрался ли ты упасть в обморок, Уилл Генри?

– Никак нет, сэр, – помотал я головой и рухнул на пол.

Он сгреб меня в охапку и понес на руках вверх по лестнице, через кухню, озаренную нежным светом весеннего солнца, на второй этаж, а там поднял по маленькой лесенке на мой чердак, где положил меня на кровать поверх одеяла, не потрудившись даже стянуть с меня измазанную кровью одежду. Однако он снял с меня шапку и повесил ее на крючок на стене. Вид этой поношенной шапочки, жалко и одиноко повисшей на крючке, стал для меня последней каплей. В этой шапке воплощалось все, что я потерял в жизни. Разочаровать Доктора, показать, что у меня не хватает силы духа и мужества, – об этом мне даже помыслить было страшно. Я сломался на ерунде: на контрасте нереального ужаса последних часов и вида своей шапки и воспоминаний, связанных с ней.

Я разрыдался, свернувшись калачиком, всхлипывая и держась за живот, а Доктор стоял надо мной, не выказывая ни малейшего намека на сочувствие или утешение. Он просто рассматривал меня с таким же напряженным любопытством, с каким только что рассматривал самца Антропофага.

– Ты, должно быть, скучаешь по родителям? – спросил он тихо.

Я кивнул, не в силах говорить от рыданий, выворачивающих внутренности. Он кивнул: гипотеза подтвердилась.

– Я тоже, Уилл Генри, – сказал он. – Я тоже.

Доктор был весьма искренен. Оба моих родителя были его слугами; моя мама содержала в порядке жилище, а отец, как и я после его смерти, держал в тайне то, что происходило в доме. На их похоронах Доктор положил руку мне на плечо и сказал: «Не знаю, что мне теперь делать, Уилл Генри. Их услуги были так необходимы мне!» Казалось, он забыл, что разговаривает с только что осиротевшим и потерявшим кров ребенком.

Не было бы преувеличением сказать, что мой отец боготворил Доктора Уортропа. И было бы больше, чем преувеличением – нет, чудовищной ложью! – сказать, что так же относилась к Доктору моя мать. Теперь, оглядываясь назад со всем опытом прожитых лет, я хорошо понимаю, что основные трения между родителями были из-за Доктора. Или, скорее, из-за папиной любви и преданности ему. Преданности, которая была сильнее всего остального в его жизни, даже сильнее супружеских и отцовских чувств. Нет, отец любил нас с мамой, в этом я никогда не сомневался. Просто Доктора он любил больше. И в этом был корень ненависти моей матери к Доктору. Она ревновала. Она чувствовала, что ее предали. И именно ощущение предательства вело к самым яростным ссорам между родителями.

Задолго до той ночи, когда пожар отнял у меня их обоих, я лежал в кровати, не мог заснуть и слушал сквозь тонкие стены своей комнаты в доме на улице Клэри-стрит звуки голосов родителей, нарастающие и разбивающиеся о штукатурку, как штормовые волны о волно-рез. Это была кульминация ссоры, начавшейся давным-давно. Обычно это происходило, когда отец возвращался, опоздав к ужину, – опоздав, потому что Доктор задержал его.

Бывало, что отец не возвращался к ужину вовсе. Бывало, что он не возвращался несколько дней. Когда же, в конце концов, он приходил, а я с воплем восторга кидался к нему в дверях, он переводил взгляд с моих восторженных глаз на мамыны – отнюдь не такие счастливые, как у меня, – глуповато улыбался, беспомощно пожимал плечами и говорил: «Я был нужен Доктору».

– А как насчет меня? – восклицала мать. – Как насчет твоего сына? Как насчет того, что нужно нам, Джеймс Генри?

– Я – все, что у него есть, – был решительный ответ.

– А ты – все, что есть у нас. Ты пропадаешь целыми днями, не возвращаешься, не предупреждаешь никого, куда идешь и когда вернешься. А когда, наконец, приползаешь, измотанный и обессиленный, ты даже не удосуживаешься сказать, где ты был и что ты делал.

– Послушай, Мэри, вот этого не надо – не надо на меня давить, – решительно предупредил ее, бывало, отец. – Есть вещи, которыми я могу поделиться с тобой. Но есть то, о чем я не могу рассказать.

– Можешь поделиться? Что же это такое, интересно, Джеймс Генри? Ты ведь не говоришь мне вообще ничего!

– Говорю то, что могу сказать. А могу я сказать, что Доктор проводит очень серьезные исследования и ему требуется моя помощь.

– А мне не требуется?! Ты ввел меня во грех, Джеймс!

– Грех? О каком грехе ты толкуешь?

– Грех лжи! Соседи спрашивают: «Где твой муж, Мэри Генри?», а я вынуждена лгать – ради тебя, ради него. О, как это унижительно – лгать ради него!

– Так не делай этого. Скажи им правду. Скажи им, что не знаешь, где я.

– Это было бы еще хуже, чем солгать. Что они сказали бы тогда обо мне – жене, которая не знает, где ее муж?

– Не понимаю, почему это должно волновать или уязвлять тебя, Мэри. Если бы не Доктор, что бы у тебя было? Именно ему мы обязаны всем!

Этого она не могла отрицать, так что просто ничего не отвечала.

– Ты не доверяешь мне.

– Да нет же. Я просто не могу предать Доктора.

– У честного человека не должно быть секретов.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, Мэри. Доктор Уортроп – самый честный человек, которого я когда-либо знал. Служить ему – честь для меня.

– Служить ему – в чем?

– В его исследованиях.

– Что это за исследования?

– Он – ученый.

– И что он изучает?

– Некий... биологический феномен.

– И что все это значит? Что за «биологический феномен»? О чем ты говоришь, что это такое? Птицы? Пеллино Уортроп изучает жизнь птиц в природных условиях, Джеймс Генри, а ты держишь для него бинокль?

– Я не буду обсуждать это, Мэри. Я больше ничего не скажу тебе о характере его работы.

– Почему?

– Потому что тебе лучше этого не знать! – Впервые отец повысил голос на мать. – Говорю тебе как на духу, бывает, что я и сам предпочел бы не знать! Я видел такое, чего не видел ни один человек на свете! Я бывал в таких местах, куда сами ангелы не решились бы ступить. И не пытай меня больше, Мэри, потому что ты сама не знаешь, о чем просишь. Будь благодарна за свое неведение и наслаждайся ложью, которой тебе приходится платить за него! Доктор Уортроп – великий человек, делающий великое дело. Я никогда не предаю его, хоть бы сама преисподняя вступила в противоборство со мной.

Вот так обычно все и обрывалось, хотя бы на некоторое время. Обычно – на то время, пока отец укладывал меня спать. Прежде чем присоединиться к матери в гостиной и вновь вступить в противоборство с ее гневом, сравнимым с жаром самой преисподней, отец всегда целовал меня в лоб, гладил по голове, закрывал глаза, пока я читал вечернюю молитву.

Дочитав молитву, я открывал глаза и смотрел, не отрываясь, на доброе лицо отца, в его добрые глаза, уверенный, как все наивные дети, что он всегда будет рядом со мной. Какое трагическое заблуждение!

– Куда ты ходишь, папа? – спрашивал я шепотом. – Я не скажу маме. Я никому не скажу.

– О, я много куда хожу, Уилл, – отвечал он. – Я бывал в очень странных местах, восхитительных, словно сон. Бывал и в менее восхитительных, страшных, как ночной кошмар. Я видел чудеса, которые могут вообразить себе лишь поэты. Но видел и такое, от чего любой взрослый бросился бы прочь, как ребенок, с криком: «Мама!» В мире столько разных вещей. Столько мест...

– Ты возьмешь меня с собой, когда пойдешь туда в следующий раз?

Он улыбался. Грустной, мудрой улыбкой человека, который каким-то образом интуитивно знает, что его удача не беспредельна и что настанет тот день, когда он отправится в свое последнее путешествие.

– Я уже взрослый, – уговаривал я его, когда он не отвечал мне. – Мне одиннадцать лет, папа, почти двенадцать... Я – почти уже мужчина! Я хочу пойти с тобой. Пожалуйста, пожалуйста, возьми меня с собой!

Он гладил меня по щеке. Прикосновение его было теплым и ласковым.

– Может быть, Уилл Генри, однажды возьму. Может быть.

* * *

Монстролог оставил меня наедине с моим горем. Он не пошел отдыхать к себе в комнату; я слышал, как он спускается по лестнице, потом скрипнула дверь, ведущая в подвал. Он не собирался ложиться спать. Он все еще был охвачен охотничьим азартом.

Слезы мои иссякли, я больше не всхлипывал. В нескольких футах над моей головой в потолке было окошко, и я видел сквозь него подсвеченные солнцем прозрачные облака, плывущие по ярко-сапфировому небу, словно величавые корабли. В школе мои бывшие одноклассники, должно быть, играют сейчас во дворе в бейсбол. В последний раз замахиваются битой, прежде чем мистер Проктор, учитель, позовет их обратно на послеполуденные уроки. И вот уже звенит звонок, и все орущей радостной толпой несутся к дверям школы, и взрывы смеха сотрясают теплый весенний воздух – единым гомоном счастливых голосов, звучащих в унисон...

Свобода! Свобода! Уроки отменили, день свободен, можно делать все, что угодно! Можно продолжить прерванную посередине игру в бейсбол... Я был невысокого роста для своего возраста и не очень хорошим отбивающим, но я был быстрым. Когда я оставил школу по личному указанию Доктора Уорттропа, я был самым быстрым в своей команде, и мне принадлежало наибольшее количество полученных баз. Тринадцать – вот был мой рекорд.

Я закрыл глаза и увидел, как бегу третьим, скольжу вдоль задней линии площадки, быстро переводя взгляд с питчера на кетчера и обратно, а сердце подпрыгивает в груди, пока я жду броска. Прыжок – рано. Прыжок – опять нет. Питчер сомневается, краем глаза он видит меня. Пошлет ли он мяч третьему? Он ждет, что я побегу. Я жду, что он подаст.

И я все еще выжидаю, как вдруг громкий голос кричит:

– Уилл Генри! Вставай, Уилл Генри!

Я резко проснулся и открыл глаза – какими же тяжелыми казались веки! – и увидел Доктора в дверном проеме моего маленького алькова. В руках он держал лампу, лицо было небрито, волосы всклокочены, одежда на нем была все та же, что была вчера. Лишь через минуту до меня дошло, что он весь, с ног до головы, в крови. Я вскочил в панике, вскрикнув:

– Доктор, вы в порядке?

– О чем ты, Уилл Генри? Естественно, я в порядке. Тебе, наверное, приснился дурной сон. А сейчас пошли. Время идет, а нам еще многое нужно сделать до рассвета!

Он стукнул кулаком по стене, как бы подчеркивая важность сказанного, и, развернувшись, стал спускаться вниз по лестнице. Я торопливо натянул чистую рубашку. Сколько времени, интересно? Над моей головой звезды прожигали хрустальный полог неба, луны не было видно. Я пошарил по стене, нашел свою шапочку на крючке и натянул ее на голову. Как я уже говорил, она слишком плотно обтягивала голову, но каким-то образом это меня успокаивало.

Я нашел Доктора на кухне. Он помешивал в горшочке какую-то жидкость с нездоровым запахом, и только через минуту до меня дошло, что он готовит еду, а не варит кости и мясо Антропофага.

«Возможно, в конце концов, это и не кровь, – подумал я. – Возможно, он готовит мне обед».

Доктор, конечно, был блестящим ученым, но, как у всех гениев, этот блеск имел узконаправленный спектр. Поваром он был отвратительным.

Он налил черпаком ядовитого варева в тарелку и шмякнул ее на стол передо мной.

– Садись, – сказал он, придвигая мне стул. – Ешь. Позже, вероятно, у нас не будет такой возможности.

Я осторожно поводил ложкой по жиже в тарелке. Что-то серо-зеленого цвета всплыло на поверхность густого коричневого бульона. Фасолина? Для горошины вроде великовата.

– А хлеба нет, сэр? – осмелился я спросить.

– Хлеба нет, – бросил он грубовато и сбежал бегом вниз по лестнице в подвал, не сказав больше ни слова.

Я тут же выскочил из-за стола и полез в корзинку на кухонном шкафу. Маленькая булочка примерно недельной давности лежала там, покрываясь плесенью. Я посмотрел вокруг, не увидел второй тарелки и вздохнул. Ну, конечно: сам Доктор не ел. Я вернулся к своему супу из неизвестно чего, проглотил пару ложек варева, запил его стаканом воды и прочитал молитву – не благодарственную, скорее, моля меня уберечь.

– Уилл Генри! – донесся голос Доктора из распахнутой двери в подвал. – Уилл Генри, где ты? Пошевеливайся, Уилл Генри!

Мои молитвы были услышаны. Я бросил ложку в тарелку – она издала хлюпающий звук, соприкоснувшись с вязкой поверхностью супа, – и рванул вниз по ступеням.

Доктора я обнаружил в лаборатории. Он ходил взад-вперед от стола, на котором лежал труп девушки, до большого медицинского стола, теперь свежeweымытого. В панике я стал оглядывать лабораторию, словно мертвое чудовище могло каким-то образом сбежать со стола и прятаться где-то в тени. И вот я увидел Антропофага. Он висел на веревке, подвешенный вниз головой, между скамьей и полками, на которых стояли банки с его органами. Веревка спускалась с потолка и потрескивала под тяжестью туши, а под ней стояла широкая бадья, наполненная черной слякотью с гнилостным запахом. Это была частично свернувшаяся кровь монстра. Вот и объяснение тому, что одежда Доктора была вся в крови. Он выпотрошил Антропофага и отвел ему кровь. Позже он его забальзамирует, завернет в ткань и отправит частным судном в Общество монстрологов в Нью-Йорке, но сейчас монстр висел, как забитый боров в мясной лавке. Его руки с тяжелой мускулатурой свисали по обе стороны бадьи, а концы ногтей скребли по полу, когда веревка медленно покачивалась, поворачиваясь и поскрипывая.

Я отвернулся; оставшийся глаз Антропофага, черный, без века, замороженный смертью в момент последнего пристального взгляда, казалось, смотрит прямо на меня: я видел свое отражение – невысокий такой мальчик – внутри огромного глазного яблока...

С моим появлением в лаборатории Доктор перестал мерить шагами комнату и уставился на меня с открытым ртом, словно его поразило мое внезапное появление. Можно было подумать, что это не он только что громко звал меня спуститься к нему.

– Уилл Генри! – сказал он. – Где ты был все это время?

Я начал было отвечать:

– Ел, сэр, как вы мне и велели...

Но он прервал меня:

– Уилл Генри, кто наш враг?

Глаза его горели, щеки пылали. Все признаки одержимости, о которой я уже рассказывал и свидетелем которой становился дюжину раз, были налицо. Ответ на вопрос, заданный с интонацией, больше похожей на команду, чем на любопытство, был очевиден. Дрожащим пальцем я указал на свешивающегося с потолка Антропофага.

– Чушь! – громко рассмеялся Доктор в ответ. – Вражда – это нормально. В ней нет ничего противоестественного, Уилл Генри. Разве антилопа – враг льва? Разве лоси или коровы испытывают враждебность к волку? Для Антропофагов мы не представляем из себя ничего, кроме одного. Мы для них – мясо. Мы – добыча, а не враги. Нет, Уилл Генри, наш враг – это наш страх. Ослепляющий, безрассудный страх. Страх скрывает от нас истину и искривляет восприятие очевидного, такая это отравка. Страх ведет нас к иррациональным предположениям и ложным выводам. Вчера ночью я позволил этому врагу победить меня; страх ослепил меня, и я не разглядел той правды, которая была на поверхности! Мы не в таком уж безвыходном положении, как страх заставил меня поверить.

– Не в таком? – спросил я, хотя мудрости в его рассуждениях мне было не узреть: разве чудище, свисающее с потолка, не противоречит его суждениям?

– Типичное племя Антропофагов состоит из двадцати – двадцати пяти женских особей, способных к зачатию, небольшой горстки детенышей и одного альфа-самца Антропофага!

Доктор ждал, как я отреагирую, глупо усмехаясь; глаза его горели. Когда же он увидел, что я никак не разделяю его облегчение и экзальтацию, он заторопился:

– Разве ты не понимаешь, Уилл Генри? Их не может быть больше двух-трех. Значит, размножающиеся и распространяющиеся Антропофаги вокруг Нового Иерусалима невозможны!

Он снова принялся шагать из угла в угол, проводя пальцами по густым растрепанным волосам, и, по мере того как он говорил, мое присутствие растаяло перед его взором, как тает солнце в осеннем небе.

– Один только факт породил мой страх – страх, вытеснивший из моего сознания все остальное, а это остальное было чрезвычайно важно и просто лежало на поверхности. Да, это факт: типичное племя состоит из приблизительно тридцати чудовищ. Но правда также в том, что Антропофаги – не местные. С того момента как открыли Америку, здесь не было зафиксировано ни одного случая появления данной особи, не найдено ни следов их пребывания, ни их останков. Нет также ни одного подходящего мифа или легенды о них в национальном фольклоре.

Он остановился, наконец, и посмотрел на меня:

– Теперь ты понимаешь, Уилл Генри?

– Я... Я... Думаю, да, сэр.

– Чушь! – завопил он. – Ясно же, что ты не понял ни слова! И не лги мне, Уилл Генри! Ни мне, ни кому-то другому – никогда не лги! Ложь – самый дурной вид шутовства!

– Да, сэр.

– Мы должны объединить два факта: Антропофаги не местные на этой земле, и они чрезвычайно агрессивны. Растущее племя не осталось бы незамеченным просто потому, что тогда не хватает кое-чего. Чего нам не хватает, Уилл Генри?

Он не стал дожидаться моего ответа, возможно, понимая, что его у меня попросту нет.

– В этом случае нам не хватает жертв. Жертв! Антропофаги должны питаться, чтобы процветать и размножаться. Однако не было ни одного сообщения о нападении, ни одного свидетеля, ни одной жертвы, ни улики, прямых или косвенных. Кроме этого, – он указал пальцем

на монстра, подвешенного на крюке, – и вот этого, – он обернулся к прикрытому простыней трупку девушки, лежащему на столе.

– Поэтому я делаю простой вывод, что их здесь не много. Вот видишь, Уилл Генри, как наш враг – страх – делает невозможное возможным, а нелогичное логичным! Да. Мы имеем дело с недавно прибывшими монстрами. Вот этот и, возможно, еще одна или две самки. Самая большая загадка – не то, сколько их, а как они сюда попали. Они – не амфибии, так что приплыть они не могли. У них нет крыльев, значит, они не прилетели... так как же они сюда попали? Вот на этот вопрос мы и должны ответить, Уилл Генри, в заключение сегодняшнего дела. Итак, где список?

– Список, сэр?

– Да, да, список, список, Уилл Генри. Что ты так на меня уставился? Я что, сумасшедший, по-твоему? Или я неясно выражаюсь?

– Я не... Я не видел... Вы не давали мне никакого списка, сэр.

– Нельзя быть рассеянными сейчас, Уилл Генри. Только не сейчас, когда наша рассеянность может стоить нам жизни. Даже одна или две самки Антропофагов очень опасны. У них все почти так же, как у львов, – самки более опасны, чем вялые самцы, которые довольствуются остатками трапезы после того, как самки убивают.

Он схватил листок бумаги, который лежал на груди мертвой девушки.

– Ах да, вот он, Уилл Генри. Там, куда кто-то его и положил.

В голосе его прозвучал некоторый упрек, словно, будь у него время и факты, он без труда доказал бы, что именно я положил туда список. Он протянул мне листок:

– Держи, упакуй побыстрее и положи у задней двери. Да пошевеливайся, Уилл Генри!

Я взял листок. Его почерк был ужасен, но я уже достаточно долго работал у Доктора, чтобы разобрать написанное. Я побежал вверх по лестнице. Начиналась игра, в которой счет идет на время, – игра по поиску вещей. Именно так можно было назвать то, чем я занялся, потому что насколько Доктор был отвратительным поваром, почти настолько же был он и человеком несобранным. Например, десять минут у меня ушло на то, чтобы найти его револьвер (это был первый предмет в списке), который лежал не на своем обычном месте – в левом ящике стола, – а на полке книжного шкафа, стоящего за ним. И наткнулся я на него, тем не менее, методично находя и собирая другие вещи по списку.

Длинный охотничий нож. Фонари. Мешки для образцов...

Порох. Спички. Палки...

Керосин. Веревка. Медицинская сумка, лопата...

И как я ни старался следовать совету Доктора сосредоточиться только на насущном деле – на предметах из списка и их комплектации, – все же я не мог не догадаться: мы готовимся к вылазке.

И всю дорогу, пока я бегал вверх-вниз по лестнице, из одной комнаты в другую, от одного шкафа к противоположному, перерывая содержимое полок и ящиков, голос Доктора, пронзительный и всепроникающий, доносился снизу:

– Уилл Генри? Уилл Генри, почему ты так долго? Пошевеливайся, Уилл Генри, пошевеливайся!

Когда пробило полночь и я стоял у задней двери, пытаюсь коротенькой веревкой перевязать пучок деревянных кольев, под аккомпанемент непрекращающихся разглагольствований Доктора («Я же не требую от тебя ничего невозможного, Уилл Генри, не так ли? Разве я когда-нибудь требовал от тебя невозможного?»), кто-то поскребся в дверь, что прервало наши сборы, мои попытки и его упреки.

– Доктор! – тихо позвал я, как только он вышел на верхнюю площадку лестницы. – Там кто-то за дверью!

– Так открой, Уилл Генри, – сказал он нетерпеливо. Он сдернул свой пропитанный кровью халат и бросил его на стул.

Эразмус Грей, старик – расхититель могил, который приходил почти в это же время вчера ночью, стоял, сгорбившись, на крыльце. На нем была все та же потрепанная широкополая шляпа. За его спиной я углядел все ту же костлявую лошадь и расшатанную телегу; они были наполовину скрыты туманом. У меня возникло отчетливое неприятное чувство, будто все повторяется, как это бывает в кошмарном сне, и на секунду мне показалось, совершенно явственно, что на старую телегу взгроможден еще один страшный сверток.

Как только я открыл дверь, старик стянул шляпу и искоса посмотрел на мое поднятое кверху лицо; его слезящиеся глаза исчезали под нависающими морщинистыми веками.

– Скажи Доктору, я пришел, – сказал он тихо.

Но говорить ничего не пришлось. Доктор вырос у меня за спиной, широко распахнул дверь и втащил Эразмуса Грея в кухню. Втащить его было не лишним, ибо старик еле переставлял ноги, буквально – едва волочил их по полу. И кто бы его осудил? Из троих человек, оказавшихся на кухне, только один с нетерпением предвкушал вылазку, и этим человеком не был ни Эразмус Грей, ни юный ассистент Доктора.

– Погрузи вещи в повозку, Уилл Генри, – скомандовал Доктор. Одновременно он твердо взял старика под локоть и повел его – скорее, потащил – вниз по ступеням крыльца.

Весенний воздух был прохладным и сырым; туман легким поцелуем коснулся моей щеки. Когда я приблизился к лошади, держа в руках первый мешок, она наклонила голову, словно признавая меня своим собратом. Я задержался, чтобы похлопать ее по шее. Лошадь изучала меня большими одухотворенными глазами, и я вспомнил о другом животном, подвешенном сейчас на крюке в подвале, о его глазах – непроницаемых, темных, наполненных такой же пустотой, как пространство меж звезд. Была ли это смерть, что так пугала в тех глазах, или то была еще более страшная бездна? Я уже видел свое отражение в мертвых, бездушных глазах Антропофага – и насколько же иным отразился я сейчас в глазах этой доброй, ласковой лошади! Было ли это просто отличие живого теплого взгляда от холодного пристального взгляда смерти? Или мой образ виделся этим созданиям по-разному? Для одного я был друг, для другого – добыча?

Когда я закинул последний мешок в телегу, появились Доктор и старик. Они несли тело мертвой девушки, все так же завернутое в самодельный саван из простыни, держа его с двух сторон. Я быстро отступил в сторону, уступая им дорогу, и потихоньку встал поближе к теплоте умиротворяющему свету, струящемуся из открытых дверей дома. Из-под савана высунулась бледная рука; указательный палец на ней был вытянут, как будто указывал на землю.

– Запри дверь, Уилл Генри, – мягко сказал мне Доктор, хотя его приказ едва ли требовался: я был на полпути к двери и уже держал ключ в руке.

На маленьком сиденье, которое находилось впереди старой телеги, места для меня не хватило, так что я вскарабкался в саму телегу, рядом с телом. Старик повернул голову и нахмурился при виде меня, съездившегося рядом с телом в саване. Он бросил злобный взгляд на Доктора:

– Мальчик что, едет с нами?

Доктор Уортроп нетерпеливо кивнул:

– Естественно, едет.

– Прошу извинить меня, Доктор, но это дело – никак не для ребенка.

– Уилл Генри – мой ассистент, – ответил Доктор с улыбкой. Он по-отечески погладил меня по голове. – Внешне, возможно, он и ребенок, но внутренне он развит не по годам и крепче, чем может показаться тому, кто мало его знает. Его услуги мне необходимы. Он незаменим.

Тон, каким это было сказано, не допускал возражений, нравилось Эразмусу Грею решение Доктора или нет. Старик еще раз бросил взгляд на мою скрюченную фигуру, ибо я согнулся, обхватив руками колени и дрожа от весеннего холода. Мне показалось, что в его глазах промелькнула жалость, и не только горькое сочувствие моему обязательному участию в этой мрачной экспедиции, а нечто большее. Возможно, он интуитивно понял, сколь высока цена «быть необходимым» Доктору Пеллинору Уортропу.

А что до меня, то я вспоминал свои наивные отчаянные просьбы, обращенные к отцу год назад, взять меня с собой. Теперь, по иронии судьбы, он делил свое местопребывание с мертвой девушкой, лежащей рядом со мной. А я-то молил: «Я хочу пойти с тобой! Пожалуйста, пожалуйста, возьми меня с собой!»

Эразмус Грей отвернулся, но неодобрительно крякнул и покачал старой головой. Он взялся за вожжи, телега дернулась, и наше зловещее путешествие началось.

Теперь, читатель, уж много лет минуло с той вызывающей суеверный ужас кошмарной весенней ночи 1888 года. И, однако же, за все эти годы не было ни единого дня, чтобы я не вспоминал ее с удивлением и вечным, непроходящим страхом – безумным страхом ребенка, когда в его сознание брошены первые семена разочарования. Мы можем оттягивать этот момент. Мы можем стараться изо всех сил отложить горький урожай, но день, когда молотят зерна, все равно настанет.

Есть вопрос, который не дает мне покоя до сих пор и будет мучить всегда, покуда я не присоединюсь, наконец, к своим родителям. Если бы монстролог знал, что за ужасы ждут нас не только той ночью на кладбище, но и в последующие дни, стал бы он все так же настаивать на моем участии? Потребовал бы он в таком случае или нет, чтобы ребенок погрузился столь глубоко в колодезь человеческих страданий и жертв – буквально в море крови? И если бы ответом на этот вопрос было «Да», тогда можно было бы утверждать, что есть на свете чудовища страшнее Антропофагов.

Чудовища, которые, с улыбкой глядя по голове и успокаивая, готовы принести в жертву ребенка, положив его на алтарь своего собственного честолюбия и гордыни.

Часть третья

«Кажется, я должен пересмотреть первоначальную гипотезу»

Кладбище Олд Хилл раскинулось на холме за Новым Иерусалимом, за коваными железными воротами и каменной стеной, выстроенными так, чтобы пресечь любые попытки сделать то, что делал Эразмус Грей и что привело его к дверям нашего дома прошлой ночью. Успокоение здесь нашли те, кто первыми приехали в колонию и попали в темные объятия смерти в первых десятилетиях восемнадцатого века. Мои родители тоже были похоронены здесь, равно как и предки из клана Доктора.

Фактически мавзолей семьи Уортропов был самым большим и впечатляющим сооружением на кладбище. Он стоял на самом верху холма; его было видно от любого памятника, от любого могильного камня на кладбище. Это было массивное готическое сооружение, собор в миниатюре. Казалось, он доминирует над другими сооружениями, словно жилище средневекового правителя над окружающими домами. И в каком-то смысле Уортропы действительно были правителями Нового Иерусалима. Прапрадед Доктора, Томас Уортроп, сколотил состояние на судостроительстве и судоходстве, а также производстве текстильных изделий. Он был одним из отцов-основателей города. Его сын, прадед Доктора, шесть раз переизбирался на должность мэра. Я не сомневаюсь, что если бы не работа, практичность, расчетливость и скупой английский прагматизм предков, Уортроп не смог бы позволить себе роскошь оставить труд мирской и стать «философом монстрологии». У него просто не было бы на это денег.

Его особое «призвание» было секретом, о котором знал и шептался весь город. Одни притворялись больными, другие боялись, но все, за малым исключением, оставили его в покое и испытывали уважение, вызванное, как я думаю, скорее огромным, невероятным богатством Доктора, доставшимся ему от предков, нежели его философскими изысканиями, – отношение, идеально отраженное в холодном каменном монументе, возвышающемся над кладбищем Олд Хилл.

Эразмус Грей бросил вожжи у железных ворот, и с минуту мы сидели, пока старая лошадь тяжело дышала, восстанавливая дыхание после долгого, извилистого подъема ко входу на кладбище.

– Мой револьвер, Уилл Генри, – сказал Доктор тихо. Старик посмотрел, как я передал револьвер Доктору, облизнул губы и быстро отвернулся.

– Надеюсь, вы взяли оружие, – сказал ему Доктор.

– Винчестер, – ответил Эразмус Грей. – Самое большее, во что я стрелял из него, – так это в гуся, – добавил он с тоской.

– Целься в живот, – спокойно сказал Доктор, – сразу под пастью.

– Я так и сделаю, Доктор, – сухо ответил Эразмус, – если смогу как следует прицелиться, убегая в противоположном направлении!

И он снова бросил взгляд назад, на мое сжавшееся в комок тело.

– А мальчик?

– Уилл Генри пойдет со мной.

– Лучше бы он остался здесь, у ворот, – сказал старик, – нам нужен кто-то для прикрытия.

– Худшего места, на мой взгляд, для него не придумаешь.

– Я могу оставить ему свою винтовку.

– Он пойдет со мной, – твердо сказал Доктор. – Уилл Генри, открывай ворота.

Я выпрыгнул из телеги. Передо мной были ворота, за которыми возвышался холм с надгробиями и памятниками, ряд за рядом поднимающимися к вершине, скрытой за ветвями ста-

рых дубов, ясеней и тополей. За моей спиной, полностью укрытый туманом, остался Новый Иерусалим; жители его спали в сладком забытии. И не ведали они, и догадываться не могли, что над этой возвышенностью, этим островом смерти, вздымающимся над морем нежного весеннего тумана, обволакивающего все живое, не дремлет такой кошмар, перед лицом которого все человеческие страшные сны померкли бы враз.

Эразмус Грей направил телегу по узкой дорожке, идущей вдоль стены кладбища и окаймляющей его. Справа от нас была стена, слева – мертвецы, а над нами – безлунное небо, усеянное звездами. Ночной воздух был неподвижен – ни дуновения ветерка. Стояла тишина, нарушаемая лишь равномерным постукиванием копыт лошади, скрипом и стоном колес да тихим стрекотом сверчков.

Дорога была неровной, отчего телега кренилась то на один бок, то на другой, по мере того как мы продвигались вперед. Труп, лежащий рядом со мной, качался туда-сюда, и меня поразило чудовищное сравнение: он был похож на завернутого младенца в колыбели – горькая пародия.

Старик смотрел вперед, положив руки с вожжами на колени; Доктор весь подался вперед, с тревогой вглядываясь во мрак между деревьями. Там, где деревья росли слишком густо, образывая арку над дорогой, по которой мы ехали, Доктор запрокидывал голову и пристально всматривался в листву.

– Теперь, Уилл Генри, нужен глаз да глаз, – прошептал он мне через плечо. – Они легко взбираются на деревья. Если самка Антропофага вдруг прыгнет сверху, целься ей в глаза – это ее самое уязвимое место.

Я вытащил из связки деревянный кол и проследил за его взглядом. Наверху, во мраке переплетенных ветвей над головой, мое воображение тут же нарисовало нечеловеческие силуэты с огромными руками и цепкими когтями, впившимися во многовековые деревья, и глаза, горящие недвусмысленной злобной жадой.

Мы приближались к восточной границе кладбища – вглядевшись в темноту, я смог различить впереди очертания угла кладбищенской стены. Вдруг Эразмус повернул телегу на крошечную, изрезанную колеями дорожку, которая вилась между деревьями и вела к самому сердцу кладбища. Наше появление потревожило какого-то лесного зверька, возможно белку или птицу, и как только она завозилась и зашуршала в листве, Доктор вскинул револьвер, прицеливаясь. Но прицеливаться было не во что – вокруг стоял мрак, и не было видно ничего, кроме теней. Я услышал, как он прошептал:

– Вот он, настоящий враг!

Мы выбрались из-под деревьев и выехали на открытую местность, сплошь покрытую могильными камнями. Их шелковистый мрамор мерцал при свете звезд. Через полдюжины ярдов Эразмус остановил телегу. Я поднялся с корточек и вперился взглядом в ближайший памятник. Это был большой камень, украшенный геральдическими символами семьи, захороненной в этом месте: БАНТОН.

– Вот, здесь, – прошептал старик – взломщик могил, указывая дрожащим пальцем на камень у дороги, – то самое захоронение, Доктор.

Доктор Уортроп легко спрыгнул с козел и подошел к могиле. Он обошел вокруг нее, тщательно осматривая землю и что-то бормоча себе под нос, в то время как Эразмус Грей и я стояли, боясь пошевелиться, и наблюдали за ним.

Мой взгляд был прикован к могильному камню, у которого расхаживал Доктор, точнее, к имени, высеченном на нем: «Элиза Бантон. Родилась 7 мая 1872 года, умерла 3 апреля 1888 года». Всего месяц пролетел с ее шестнадцатилетия, как безразличная смерть, пренебрегая юностью, заключила в свои холодные объятия едва порозовевший и еще не раскрывшийся бутон ее женственности. И это только для того, чтобы передать ее в объятия существа, менее безразличного, чем смерть, для союза более грязного и оскорбительного, чем смертельные узы.

За две недели Элиза Бантон превратилась из невинной невесты Смерти в инкубатор для плода монстров. Я перевел взгляд с холодного камня на тело, завернутое в белую простыню, и сердце мое пронзила боль – потому что вдруг я понял: это больше не безымянный труп в телеге, не безымянная жертва. У нее есть имя – Элиза. И семья, которая, должно быть, любила ее, ибо на похороны ей надели самое красивое погребальное платье, украсили шею ожерельем из чистейшего жемчуга и даже изысканно уложили ее кудри на подушечке из белейшего шелка. Но ей выпала судьба не покоиться с миром среди усопших собратьев, а быть съеденной.

Старик, должно быть, почувствовал мои душевные страдания, потому что он вдруг положил руку мне на плечо со словами:

– Ну, ничего, ничего, малыш...

Внезапно его голос изменился, и вместо сочувствия в нем зазвучало негодование:

– Он не должен был привозить тебя сюда! Это дело грязное и темное! Не место тут богобоязненному христианину, а уж тем более ребенку...

Я стряхнул его руку со своего плеча. Я не искал сочувствия со стороны человека, занимающегося столь бесчестным и постыдным делом, как Эразмус Грей.

– Я не ребенок, – сказал я.

– Ах, не ребенок? Тогда, значит, старые глаза Эразмуса Грея превратили его во лжеца! Дай-ка я взгляну на тебя поближе...

Он снял с меня старую шапочку и уставился на меня сверху вниз; на его губах играла улыбка, и, как я ни сопротивлялся, выражение его лица было столь комично, когда он изображал, что тщательно вглядывается и изучает меня, что я поймал себя на том, что улыбаюсь в ответ.

– Ага! И правда, не ребенок! Что ж, значит – славный молодой человек! А знаешь, Уилл Генри, что именно поначалу сбило меня с толку? Твоя шапка! Уж больно она мала для такого здорового парня, как ты. Взрослый мужчина должен носить взрослый головной убор!

С этими словами он водрузил мне на голову свою огромную соломенную шляпу с полями. Она повисла у меня перед глазами, полностью закрыв лицо, к большому удовольствию старика; его смех становился все громче, и старая телега подрагивала в такт. Я сдвинул его шляпу на затылок и увидел старика прямо перед собой – призрачный тощий силуэт на фоне бархатного неба, а на лысеющей голове – моя крохотная шапочка. Я и не заметил, как сам начал хохотать вместе с ним.

– Как ты считаешь, Уилл Генри? Правда ли то, что мы – это то, во что мы одеты? Потому что я действительно чувствую себя теперь на пятьдесят лет моложе – клянусь, это так!

Нетерпеливый крик Доктора прервал наше шумное веселье.

– Уилл Генри, зажги факел и принеси колья! Пошевеливайся, Уилл Генри!

– Вернемся к делу, мистер Генри, – сказал старик с ноткой грусти в голосе. Мы надели каждый свою шапку. Потом старик ласково взял меня за подбородок и приподнял его, чтобы посмотреть мне в глаза. – Ты прикрывай меня сзади, а я буду прикрывать тебя, договорились, Уилл Генри?

Он протянул мне руку, я взял ее и быстро пожал, прежде чем спрыгнуть на землю. Раз Доктор зовет, конечно, я пойду. Я нагнулся над телегой и вытащил факел и связку кольев из наших запасов. Когда я присоединился к Уортропу у могилы Элизы Бантон, Доктор стоял на четвереньках, и нос его был в двух дюймах от свежераскопанной земли. Он принюхивался, как ищейка, напавшая на едва уловимый след добычи. Немного запыхавшись, я стоял перед ним, а он меня даже не замечал. В одной руке я держал фонарь, в другой – колья. Я ожидал дальнейших распоряжений, а Доктор втягивал воздух носом что было сил; глаза его были закрыты, а лоб нахмурен, так сильно он был сосредоточен на своем занятии.

– Я – дурак, Уилл Генри, – сказал он наконец, не поднимая головы и не открывая глаз. – Только дурак считает доказанным то, что мудрый человек оставляет для дураков.

Не поднимаясь, он повернул ко мне голову; глаза его внезапно открылись:

– Зажженный факел, Уилл Генри!

Я сконфуженно отвернулся и тут же снова развернулся лицом к нему, так как он рывкнул:

– Да оставь ты колья здесь! Пойди зажги факел и принеси его мне. Да пошевеливайся, Уилл Генри!

Когда я, запыхавшись, прибежал назад, старый Эразмус Грей уже слез с телеги и стоял, облокотившись о ее край и прижимая к себе винтовку обеими руками. Он молча смотрел, как я роюсь в мешках в поисках спичек. Потом достал из кармана трубку и кисет и принялся набивать трубку табаком. Тем временем я с нарастающей паникой перебирал содержимое мешков; я точно помнил, что брал спичечный коробок с камина, когда собирался. Но вот только положил я его в мешок или оставил у задней двери?

– Что ищешь, малыш? – поинтересовался Эразмус, выуживая из кармана спичку и зажигая ее о подошву сапога. Я оторвался от мешков и сокрушенно покачал головой; на глаза у меня набегали слезы. Можно было забыть что угодно – но не спички! Старик коснулся пламенем трубки, и сладкий аромат табака наполнил воздух.

– Уилл Генри! – позвал Доктор.

Прошло еще немного времени, прежде чем до меня дошло то, на что я смотрел в упор и не видел. Я тут же отчаянно попросил у старика спичку и наконец зажег факел. Руки у меня дрожали. Когда я бежал обратно к Доктору, его рассуждения о «злейшем враге» наконец-то стали мне полностью понятны: ослепленный страхом, я перестал соображать и не видел того, что было у меня под самым носом.

Доктор взял факел из моих дрожащих рук и спросил:

– Кто наш враг, Уилл Генри?

Он не стал дожидаться ответа, а стремительно развернулся и продолжил осмотр могилы, обходя ее со всех сторон.

– Колья, Уилл Генри! – скомандовал он. – И держись поближе!

Со связкой кольев в руках я последовал за ним. Доктор шел, держа факел так низко, чтобы свет падал на землю. Время от времени он останавливался и, протягивая руку назад, требовал кол. Я вкладывал одну из деревяшек в его ладонь. Он втыкал кол в землю и шел дальше – до тех пор пока пять кольев не были воткнуты в землю: два по обе стороны могилы, а три – в разных местах неровных холмиков вырытой из могилы свежей земли. Я не знал, что он отмечает и даже почему он отмечает именно эти места. Земля вокруг ничем не отличалась от той, в которую были воткнуты колья. После еще двух круговых обходов, каждый на несколько шагов дальше от могилы, он остановился, высоко держа факел и обозревая проделанную работу.

– Очень любопытно, – пробормотал он. – Уилл Генри, пойди и воткни колья глубже.

– Воткнуть колья, сэр?

– Постарайся воткнуть их как можно глубже в землю.

Мне удалось протолкнуть их вглубь не больше чем на дюйм – почва была каменистой.

Когда я вернулся к нему, он недовольно качал головой.

– Мистер Грей! – позвал он.

Старик подошел, едва переставляя ноги; он держал винтовку, положив ее на сгиб руки. Доктор повернулся к нему, высоко подняв факел. Свет выхватил из темноты усталые черты лица старика: танцующие тени упали на морщинистые щеки и рассеченную бровь.

– Как ты нашел эту могилу? – спросил Доктор.

– Я знал, где место, принадлежащее семейству Бантонов, – ответил тот.

– Нет. Я имею в виду, было ли видно, что это – свежевырытая могила? Ты заметил, что землю в этом месте копали?

Эразмус отрицательно помотал головой:

– Будь оно так, я бы не полез в нее, Доктор.

– Это почему?

– Я бы решил, что кто-то уже поживился здесь до меня.

Что-то уже поживилось тут до него, это точно. В этом-то и был смысл вопроса Доктора.

– Так ты не заметил ничего необычного прошлой ночью?

– Только когда я открыл гроб, – сухо ответил старик.

– Ни ям, ни насыпей земли рядом с могилой?

Эразмус помотал головой:

– Нет, сэр. Ничего такого.

– Никаких необычных запахов?

– Запахов?

– Ты не учуял странного запаха, похожего на гнилые фрукты?

– Только когда я открыл гроб. Но в запахе смерти для меня нет ничего необычного,

Доктор Уортроп.

– Ты слышал что-нибудь странное? Фыркание или такой шипящий звук?

– Шипящий?

Доктор выпустил воздух сквозь сжатые зубы:

– Вот такой.

Эразмус вновь помотал головой:

– Все было, как обычно, Доктор, во всех смыслах. До тех пор, пока я не открыл гроб...

При воспоминании об этом старика передернуло.

– И ты не заметил ничего необычного до этого?

Расхититель могил ответил, что нет, не заметил. Доктор отвернулся и стал рассматривать само захоронение, потом все пространство, принадлежащее семье, затем землю под ним. Он пристальным взглядом окинул ряд деревьев справа, росших вдоль дорожки, за которой была каменная стена, скрытая сейчас за раскидистым кустарником.

– Очень любопытно, – пробормотал Доктор снова.

Он стряхнул с себя задумчивость, и его тон резко изменился: только что он был погружен в размышления, но тут вдруг заговорил твердо, даже жестко.

– Тайна все глубже и непостижимее, но к цели нашего приезда сюда это не имеет отношения. Копайте могилу, мистер Грей. И ты тоже копай, Уилл Генри. Мы вернемся с рассветом и будем молиться, чтобы с первыми лучами солнца удача вернулась к нам. Возможно, дневной свет выявит те улики, которые скрывает ночная тьма. Пошевеливайся, Уилл Генри! Надо закончить поскорее.

И он оставил нас, поспешив к деревьям, низко светя перед собой факелом, наклоняясь вперед по мере того, как продвигался, переводя огонь то вправо, то влево и постоянно бормоча что-то себе под нос.

– На его месте я бы не приближался к тем деревьям, – мрачно сказал Эразмус Грей. – Но я и не охотник за монстрами, так ведь? – Он похлопал меня по плечу твердой мозолистой рукой: – Давай-ка пошевеливаться, Уилл Генри, как говорит твой хозяин. Чем больше рук берется за работу, тем быстрее она продвигается!

Через двадцать минут, когда спина у меня отваливалась, а тонкая кожа ладоней горела, я уже не согласился бы с этим высказыванием. В нашем случае, даже когда мы копали в четыре руки, работа не продвинулась настолько, насколько мы ожидали. Мы вырыли яму глубиной лишь в три фута. Почва Нового Иерусалима, как практически и во всей Англии, была каменистой и твердой, и могила Элизы Бантон упрямо не поддавалась нашим лопатам, несмотря на то что прошлой ночью была перекопана дважды Эразмусом Греем в поисках ужасного «сокровища».

Продолжая копать, я думал об огромном Антропофаге, который без всякого инструмента, только лишь стальными когтями, как-то смог раскопать эту могилу, чтобы добраться до

тела. Как и Доктор, я считал наиболее любопытным то, что мы не нашли никаких признаков его вторжения, да и Эразмус утверждал, что ничего не видел прошлой ночью. Мог ли старик просмотреть что-то в темноте? Мог ли он просто не заметить что-то важное в своем желании докопаться до сокровищ или в спешке случайно уничтожить улики, когда отступал с обнаруженной «находкой»?

Мы слышали, как Доктор Уортроп в роще в пятидесяти ярдах от нас ходит по подлеску, как шуршат под его сапогами прошлогодние опавшие листья, как прерываются эти шорохи бес-связными вскриками не то испуга, не то изумления. Когда мы услышали первый такой вскрик, Эразмус Грей встревоженно поднял голову, думая, несомненно, что Доктор нашел – или Доктора нашло – существо, подобное тому, что висело в подвале нашего дома. Но нет – то не были крики паники или страха. Я успокоил старика. То были восклицания рудокопа, чья лопата вновь и вновь вырывает лишь пустую землю.

Тем временем Доктор вернулся и опустился на землю на краю ямы, которую мы копали. Он был подавлен. Факел он воткнул в насыпь из сырой почвы. Он подтянул ноги к груди и обхватил колени своими длинными руками, глядя на наши потные от натуги лица с видом человека, перенесшего невосполнимую потерю.

– Ну? Нашли что-нибудь, Доктор? – спросил Эразмус Грей.

– Ничего! – ответил он.

Эразмус Грей, очевидно, испытывал от этого столь же сильное облегчение, сколь сильное разочарование чувствовал Доктор.

– Это бросает вызов всей логике, – сказал Доктор, ни к кому конкретно не обращаясь. – Это – плевок в лицо здравому смыслу. Антропофаги – не фантомы и не оборотни. Они не умеют летать над землей, как эльфы, или перемещаться с места на место с помощью астральной проекции. Антропофаг, должно быть, нашел ее благодаря тому, что остро чувствует запахи, и запах должен был привести его сюда. Но на этом месте, тем не менее, как и на окружающей территории, нет никаких признаков его продвижения. Ни следов, ни спор, ни сломанных веток – ничего.

Неподалеку от Доктора лежал кол – он дотянулся до него и принялся проворно крутить его быстрыми пальцами.

– Антропофаг оставил бы себе дыру в земле, чтобы воздух мог поступать внутрь могилы. Он оставил бы следы, отпечатки ног на земле – а здесь не примята ни одна травинка.

Его взгляд упал на наши поднятые вверх лица. Он пристально посмотрел на нас сверху вниз, мы пристально посмотрели на него. С минуту никто не произносил ни звука.

– Ну, так что вы застыли-то? Копайте! Копайте!

Он поднялся и, раздосадованный, с силой швырнул кол в подлесок. Густая листва поглотила его с приглушенным звуком треснувшей ветки и шорохом опавших листьев.

С дорожки позади нас донеслось фыркание и сопение; все головы повернулись туда. Старая лошадь, с подрагивающими ноздрями и испуганными глазами, вышла из-за деревьев с тихим ржанием.

– В чем дело, старушка Бесс? – ласково спросил Эразмус Грей. – Что случилось, девочка?

Животное мотнуло головой, вытянуло тощую шею и забило копытом о жесткую землю. Старая телега скрипнула, а расшатанные колеса неприятно заскрежетали.

Я посмотрел снизу вверх на Доктора. Он во все глаза смотрел на лошадь, руки его были опущены вдоль туловища, а все внимание сосредоточено на напряженном состоянии животного.

– Ее что-то сильно напугало, – сказал Эразмус Грей.

– Тише! – сказал Доктор едва слышно, одними губами. Он медленно повернулся вокруг своей оси, пристально изучая прилегающую к могиле землю и дорожку, обвивающую высокие могильные камни, которые тускло мерцали при свете звезд, словно замершие часовые. Вдруг

Доктор остановился спиной к нам, вглядываясь во мрак между деревьями. Долгим и страшным было мгновение, когда не было слышно ни звука, кроме дыхания старой Бесс и переступания ее подков. Доктор поднял левую руку, сжимая и разжимая пальцы; спина его напряглась. И кошмарное предчувствие надвигающейся опасности накрыло меня с головой. Еще несколько минут прошли в тягостном молчании – лишь беспокойство лошади нарастало, как нарастал и мой страх. И вот тут, на пределе жуткой затянувшейся тишины, со стороны деревьев послышалось шипение. Это был низкий звук. Ритмичный. Гнетущий. Он исходил не из одного конкретного места, а как бы отовсюду. Не то эхо, не то разговор. Отрывистая череда звуков – хаотичных, живых.

– Шссс... – Пауза. – Шссс... – Пауза. – Шсссссссс...

Доктор повернул голову и посмотрел на меня через плечо.

– Уилл Генри, – прошептал он, – ты не забыл наполнить тигели порохом?

– Нет, сэр, – шепотом ответил я ему.

– Быстро принеси их. Но только осторожно, Уилл Генри, – предостерег он меня, когда я вылезал из ямы. Он опустил руку в тот карман пальто, где у него лежал револьвер. – Не беги и пригнись. А было бы еще лучше, если бы ты добрался до телеги ползком.

– Я оставил в телеге винтовку, – сказал Эразмус. – Я принесу снаряды, а мальчик пусть лучше...

– Нет! Стой, где стоишь! Пошел, Уилл Генри! Потихоньку, давай, и возьми столько тигелей, сколько сможешь унести.

– И мою винтовку, если сможешь, Уилл! – дрожащим голосом произнес Эразмус.

Пока я ползком пробирался к телеге, я слышал, как он нетерпеливо шепчет Доктору:

– Не следует оставаться здесь, Доктор! Мы вернемся, когда рассветет, и похороним ее. Это же безумие – в темное время всякой нечисти...

Доктор отрывисто и грубо что-то ответил – я не расслышал, что именно, но суть его высказывания была ясна: он отклонил просьбу старика.

Последующие события ярко показали, что за упрямое нежелание Доктора подчиняться одному из основных инстинктов, характеризующему его как «страх», мы заплатили чудовищную цену. Есть в жизни моменты, когда страх – наш самый верный и, возможно, единственный друг.

Я разгрузил содержимое мешка в телеге, а потом упаковал тигели – четыре жестяных цилиндра размером с кофейную банку, наполненные порохом, – обратно в мешок. Бесс повернула голову ко мне и громко заржала – то была мольба сжалиться над ней и покинуть это место – лошадиный эквивалент недавней просьбе ее хозяина. И хотя задание мое было срочным, я погладил ее по гладкой шее, успокаивая. А потом вновь пополз к могиле, держа мешок в одной руке, а винтовку Эразмуса в другой. Каким же долгим показался мне этот обратный путь к полувырытой могиле! Однако же, когда я добрался, оказалось, что за время моего отсутствия ничего не изменилось. Эразмус все так же стоял, согнувшись, в яме; Доктор ждал на краю; факел горел в том месте, куда его воткнули. Свет падал на Доктора, и тот отбрасывал длинную худую тень на землю. Эразмус схватился за ствол винтовки и выдернул ее из моей руки; он лег на край могилы с винтовкой на изготовку, как в солдат в траншее – только макушка торчала над поверхностью ямы. Я прополз мимо него к Доктору.

– Поднимайся, Уилл Генри! – прошептал Доктор. – Потихоньку! Потихоньку...

Шипение между тем прекратилось. Теперь все было тихо, только время от времени раздавалось испуганное фыркание лошади. Если она убежит, кто поможет нам? Если Антропофаги набросятся на нас, а у нас не хватит снарядов, как мы убежим от монстров, один прыжок которых достигает сорока футов?

Время шло. Ночь была тиха. Наконец, Эразмус тихо позвал из своего убежища:

– Они ушли, слава богу. Да и нам пора, Доктор. Вернемся днем. Пусть лучше люди засекут меня роющим в могиле, чем...

– Тише, старый дурак! – зашипел на него Доктор. – Снаряд, Уилл Генри.

Я вытащил цилиндр из мешка и вложил его в левую руку Доктора (в правой он держал пистолет). Доктор запалил шнур от факела и одним грациозным движением метнул тигель в направлении роши. Он взорвался среди деревьев, озарив мгновенным ярко-белым светом все вокруг, словно вспышка фотографа. Где-то сзади Бесс задержалась и забила в своей упряжи. Внизу Эразмус издал испуганный крик. Я ничего не видел, ослепленный вспышкой. Она длилась всего мгновение, оставив перед глазами лишь контурное изображение деревьев. Они словно отпечатались в моих глазах, но там не было никаких семифутовых гигантских очертаний с рядами блестящих острых зубов посередине грудной клетки.

– Очень любопытно, – сказал Доктор. – Дай мне еще один, Уилл Генри.

– Они отступили, говорю вам. – Страх Эразмуса Грея перешел, как это часто бывает, в раздражение. – Если они, для начала, вообще здесь были. Странные звуки на кладбище ночью – в этом нет ничего удивительного, уж можете мне поверить, я частенько здесь бываю. Так что можете оставаться, если желаете, Доктор Пеллино Уортроп, а мы с лошадью покидаем это место. Я уже говорил вам, что незачем было ехать сюда сегодня ночью и незачем было тащить с собой ребенка. Теперь я уезжаю, и если хотите, чтобы я подвез вас до города, едьте со мной.

Он положил винтовку к нашим ногам и начал быстро карабкаться вверх, вылезая из ямы.

Но Эразмусу Грею не суждено было ее покинуть.

Огромная лапа, в два раза больше человеческой, с двухдюймовыми серо-стальными, острыми, как бритва, ногтями на конце каждого мертвенно-белого пальца, вырвалась из-под земли у него под ногами. За ней последовала мускулистая рука, покрытая черной землей и песчанником, а потом, как в замедленном кошмарном сне, из глубин, раздвигая почву, показались широкие плечи с жуткими немигающими глазами прямо на них, справа и слева – они пугающе мерцали при свете воткнутого в землю факела; и вот, в конце концов, наружу вылез трехугольный торс, в центре которого зияла пасть с трехдюймовыми клыками. Антропофаг щелкал пастью, как акула, учуявшая кровь в воде.

Лапа схватила старика за ногу; крючковые ногти впились ему в бедро. Эразмус протянул к нам руку; его вопль ужаса и боли до сих пор стоит у меня в ушах, как застыл перед глазами и его открытый рот, обнажающий жалкие остатки зубов, а внизу – абсурдной рифмой – усеянная клыками пасть монстра, пытающаяся стащить старика за отбивающиеся ноги.

Инстинктивно я схватил старика за запястье протянутой руки. Это было глупо, и, несомненно, Доктор был против. Он пришел в ужас:

– Отпусти его, Уилл Генри! Отпусти!

Внутри могилы Антропофаг уже целиком заглотил ногу Эразмуса Грея своей слюнявой пастью, и зубы его сомкнулись. Черные глаза вращались в глазницах. Я заскользил к яме, и вот уже мои голова и плечи опустились через край. Крики старика отдавались у меня в ушах, как раскаты грома. А пасть внизу продолжала работать, чавкая, затягивая все глубже. Я почувствовал, как Доктор схватил меня за руку; я едва различал его голос за истошными криками из ямы.

– Отпусти его!!!

Но это не я вцепился железной хваткой в руку другого. Это Эразмус Грей не разжимал пальцев, вцепившись в меня. Его пальцы кольцом обхватили мое запястье и тянули меня вниз, следом за собой. Уортроп на секунду выпустил другую мою руку – и я практически свалился в яму, как вдруг краем глаза увидел, как Доктор обрушил рукоятку револьвера на голову Эразмуса Грея.

Я повернул голову, отвернувшись от ямы, и увидел, как Доктор спускает крючок, прерывая вопли и мучения старика одним щелчком. Грохнуло, полыхнуло – и я почувствовал горячие капли крови, мозга и осколки костей, брызнувшие на мой затылок и на шею сзади.

Пальцы на моем запястье разжались, и безжизненная рука Эразмуса Грея последовала за телом – он обрушился на дно ямы, на мгновение накрыв собой невообразимое существо с окровавленным ртом. Но то, что этот рот продолжает чавкать, я по-прежнему слышал. Слышал, как зубы ломают кости, как лопаются сухожилия – странное хрюканье, словно огромный хряк втягивает носом воздух в подлесе.

Схватив меня за штаны, Доктор оттащил меня от ямы и с удивительной силой – несомненно, силой, которую дает адреналин, поступающий в мышцы, – одним рывком поставил меня на ноги. Он подтолкнул меня к тропинке и сказал только одно слово – в общем-то, лишнее в данных обстоятельствах:

– Беги!

Я повиновался. К сожалению, то же самое сделала и старушка Бесс, рванувшая вперед с силой жеребца вполовину ее моложе. Телега удалялась от меня, я скачками погнался за ней. Перепуганная лошадь свернула с тропинки и бросилась через кладбище – я бежал за ней, лавируя между могильными камнями. Я предпочел не оглядываться, но до меня доносились звуки, подтверждающие, что Доктор бежит следом за мной. А еще я слышал другие звуки – сиплые, резкие, – и они доносились со всех сторон.

Как я уже говорил, для своего роста я бегал весьма быстро, но ноги Доктора были длиннее, и сейчас он обогнал меня. Он дотянулся до бортика подпрыгивающей на камнях телеги, запрыгнул в нее, приземлившись прямо на труп девушки, и протянул мне руку.

Может, у меня воображение разыгралось, но мне показалось, именно в этот момент я ощутил что-то позади себя, почувствовал его горячее дыхание на шее и быстрые тяжелые шаги по вязкой грязи – шаги, настигающие меня. Хрюканье и шипение их голосов теперь стало громче, в этих звуках слышались разочарование и нарастающая ярость.

Доктор лег на живот рядом с телом Элизы, протягивая мне левую руку. Я сделал еще рывок вперед и наши пальцы уже переплелись. Но тут телега страшно качнулась в сторону. Старушка Бесс бросалась то вправо, то влево, прокладывая себе дорогу между надгробиями, без определенной траектории и цели, ослепленная лишь инстинктом – бежать. Доктор прокричал что-то, и, хотя я был всего в нескольких ярдах от него, я не смог различить слов. Его правая рука взметнулась в направлении меня, в ней блеснул револьвер. Дуло его целилось куда-то чуть выше моего плеча. Доктор закричал во второй раз, грянул выстрел, и рубашка на моей спине треснула, зацепленная лапой монстра. Значит, это был не плод моего воображения – за мной гналось чудовище!

Левой рукой доктор ухватил меня за запястье. Так же, как Эразмус у могилы, он потянул меня на себя, хотя на этот раз потянул в сторону жизни, а не смерти. Он втащил меня в телегу, и я упал рядом с ним. В это было трудно поверить, но он почти тут же бросил меня, сунув револьвер в мою дрожащую руку, лишь крикнув мне в ухо:

– Я перебираюсь вперед!

Что он и сделал, перебравшись на четвереньках к сиденью впереди, к вожжам, которые были сейчас нашей единственной надеждой на спасение. Раньше я никогда в жизни не стрелял из пистолета, но сейчас я стрелял до тех пор, пока не кончился порох и не задымился ствол – потому что я палил по огромным фигурам, несущимся следом за нами в ночи. Они слезали с деревьев, они лезли из могилы Элизы – дюжины, десятки дюжин. Они гнались за нами гигантскими прыжками: руки вытянуты вперед, пасти раскрыты, бесцветная кожа мерцает в свете звезд. Как будто каждая могила и склеп изрыгнули из себя гниющее содержимое.

Было ясно, что нас догоняют. Я смотрел в беспомощном ужасе, как все больше и больше сокращается расстояние между нами и стаей монстров. Возраст старушки Бесс оказался сильнее инстинкта выживания, и ее ноги стали слабеть.

Позади меня Доктор выругался так, что ему позавидовал бы любой моряк с торгового судна. С ужасающим треском ломающегося дерева телега вдруг остановилась. Меня отбросило

на спину, и голова только потому не разбилась от удара о доски, что я шмякнулся о мягкое тело Элизы Бантон. Я сел и огляделся. Старая кляча проскакала между двух огромных кленов; она-то проскакала, а вот телега не пролезла. Мы крепко застряли.

Доктор Уортроп отреагировал мгновенно. Он перепрыгнул через сиденье на скамью рядом со мной. Монстры были теперь уже в сотне футов от нас, и я чувствовал их запах – не сравнимый ни с чем, что я знал до сих пор, нездоровый запах, похожий разве что на гнилые фрукты, едкий и терпкий.

– Прочь с дороги, Уилл Генри! – крикнул Доктор.

Я откатился в глубину телеги, а Доктор просунул руки под плечи мертвой девушки и с рычанием не менее первобытным, чем наши преследователи, сбросил ее вниз с телеги. Мертвое тело ударилось о землю с тошнотворным глухим стуком.

– Сбруя! – крикнул Доктор. – Отпрягай лошадь от телеги, Уилл Генри!

Я понял его намерение, перелез через сиденье и спрыгнул на землю рядом с выбившейся из сил лошадей. Несчастное животное обезумело от страха, ее глаза вылезали из орбит, ноздри трепетали, изо рта шла пена. Метнулась тень, что-то прыгнуло к лошади, и я невольно вскрикнул. Но это был всего лишь Доктор, распрягающий ее с другой стороны.

– Уилл Генри! – крикнул он.

– Готово! – крикнул я в ответ.

Доктор вскочил верхом на Бесс, подхватил меня за протянутую руку и поднял на лошадь, посадив позади себя. Бесс не потребовалось торопить – она рванула вперед, направляемая теперь уверенной рукой Доктора, к воротам кладбища, к дороге. Один лишь раз я обернулся – всего один – и тут же отвернулся, прижавшись щекой к спине Доктора, закрыв глаза, вцепившись обеими руками в его пальто. Я хотел одного – никогда не видеть того, что открылось моему взору, когда я обернулся.

Отчаянная уловка Доктора удалась: монстры бросили преследовать нас и накинулись на труп. Они рвали его на части в ненасытном бешенстве, подбрасывали куски белого савана в воздух, отрывали руки от туловища, отрывали ноги и голову – и отправляли куски плоти в свои глотки, поглощая их с хрустом. Последнее, что я увидел, прежде чем зарыться лицом в пальто Доктора, были роскошные темные кудри, свисающие каскадом с челюсти Антропофага.

К главным воротам... и через них. Прямо на Олд Хилл Семетри Роуд... и потом в направлении Нового Иерусалима. Бесс перешла с галопа на рысь, потом – на усталый шаг. Она шла, тяжело стуча копытами, с низко опущенной головой и слипшейся от пота темной гривой. Мы отдыхали вместе с ней, и тишина оглушала после нашей бешеной гонки. И единственное, что, как я помню, сказал Доктор за всю долгую дорогу домой, было:

– Что ж, Уилл Генри. Кажется, я должен пересмотреть свою первоначальную гипотезу.

Часть четвертая

«Время работает против нас»

По возвращении в дом на Харрингтон Лейн Доктор отправил меня наверх, чтобы я мог помыться и переодеться. Одежда у меня была очень грязная: с ног до головы я был покрыт землей и ошметками человеческой плоти. На правой стороне лица татуировкой запеклась кровь, тут и там пристали осколки черепа и серые кусочки мозга – того мозга, что развлекал Эразмуса Грея на протяжении шестидесяти с лишним лет. В раковину посыпался гравий с моих спутанных волос и обломки веток, тут же засорив водосток. Раковина наполнилась водой, быстро окрасившейся кровью в нежно-розовый цвет. Сморщившись, я погрузил руку в грязную воду, чтобы прочистить отверстие водостока, но тут взгляд моих детских глаз с нездоровым любопытством остановился на серых ошметках плоти, плавающих на поверхности засорившейся раковины. Не столько ужас переполнял меня, сколь изумление: шестьдесят лет надежд и стремлений, голода, любви и тоски выбиты одним молниеносным выстрелом – и нет больше ни сознания, ни мозга. Лишь остатки серого вещества плавают на поверхности воды – почти нематериальные и невесомые, как попкорн. Какой из этих ошметков отвечал за твои устремления, Эразмус Грей? Какая частица – за твою гордость? О, как же род человеческий жеманно гордится собой, как нравится себе! Ну, не самонадеянность ли полагать, что мы – нечто большее, чем содержится в нашей биологии? Какой контраргумент можно найти, какое веское возражение подобрать к утверждению Экклезиаста: «Суета, суета, все суета сует»?

– Уилл Генри! – донесся снизу голос Доктора. – Уилл Генри, где тебя носит? Пошевеливайся, Уилл Генри!

Я нашел Доктора в библиотеке. Приставная лестница высотой от пола до потолка шла вдоль высоких книжных полок. Доктор стоял на середине ее, все еще в пальто и сапогах, покрытых грязью. Очевидно, он не мог позволить себе роскошь тратить время на такие пустяки, как ванна и свежая рубашка. Не говоря ни слова, он указал на полки справа; я подкатил туда приставную лестницу. Позади нас, на длинном столе, занимающем большую часть комнаты, была разложена огромная карта Нового Иерусалима и его окрестностей. На четырех углах карты стояли четыре стопки книг.

– Так, где это? – пробормотал Доктор, пробегая тонкими пальцами по потрескавшимся корешкам старинных томов. – Да где же?! А, вот. Лови, Уилл Генри!

Он снял с полки толстенный том и бросил его с десятифутовой высоты, книга приземлилась на ковер с глухим стуком, прямо рядом со мной. Я посмотрел вверх на Доктора, он посмотрел вниз на меня. Половина его лица была заляпана грязью; волосы, скатавшиеся и слипшиеся, как шерсть у дворняжки, падали на лоб.

– Я же сказал, лови, – прозвучал спокойный ровный голос.

– Простите, сэр, – промямлил я, подбирая книгу с пола и перетаскивая ее на стол. Я посмотрел на название: Геродот «История». Пролистнул несколько тонких страниц. Текст был на греческом, значит – оригинал. Я перевел взгляд с книги на монстролога.

Доктор резво соскочил с лестницы:

– Что ты так устался на меня?

– Мистер Эразмус Грей... – начал я, но Доктор меня перебил.

– Мы – рабы, все мы – рабы, Уилл Генри, – сказал он, вынул книгу у меня из рук и положил сверху ближайшей стопки. – Некоторые из нас – рабы страха, другие – рабы разума, третьи – основного инстинкта. Но все – рабы, Уилл Генри, и все чему-то служим. Вопрос должен быть поставлен так: чему мы служим? Чему посвящаем себя? Выберешь ты служение правде или лжи, надежде или отчаянию, свету или тьме? Я выбираю служение свету, даже несмотря на то,

что служба эта подчас проходит во мраке. Не отчаяние побудило меня нажать на курок, Уилл Генри. Моею рукой двигало милосердие.

Я ничего не ответил, лишь сглотнул, изо всех сил пытаюсь загнать обратно в глаза наввернувшиеся слезы. Монстролог не сделал ни движения, чтобы утешить меня. Да он и говорил все это не для того, чтобы меня утешать. Такой цели он перед собой не ставил. Ему было наплевать, простил я ему убийство старика или нет. Он был ученым; прощение для него ничего не значило. Понимание – вот что было главным.

– Старик был обречен с того момента, как этот людоед зацепил его крючковатыми ногтями, – продолжал Доктор. – Вот говорят: где есть жизнь, там есть надежда. Но ничего более коварного нельзя придумать! Нет, Уилл Генри, он был обречен, как форель, заглотившая наживку. Никакой надежды. Он бы поблагодарил меня, если б мог. Как я бы поблагодарил тебя, Уилл Генри.

– Меня, сэр?

– Если однажды меня постигнет та же судьба, молю тебя, пристрели меня.

На дне его глаз остались невысказанными слова: «А ты должен молить меня в случае чего пристрелить тебя». Да уж не сомневаюсь: если бы в той яме оказался не Эразмус Грей, а я, Доктор не пожалел бы для меня милосердной пули. Однако я не стал ему возражать; у меня просто не было слов для того, чтобы спорить с ним. У меня, двенадцатилетнего мальчишки, был только немой протест ребенка, чье обостренное чувство справедливости было ранено рациональностью благого намерения авторитарного взрослого. И я не стал спорить, потому что не мог. Так что я кивнул. Я кивнул! Даже несмотря на то, что лицо мое пылало от праведного гнева. Возможно, я был рабом чего-то глупого и суеверного, по мнению Доктора, но то была мысль, что человеческая жизнь заслуживает того, чтобы попытаться ее спасти любым путем, а уничтожению жизни нет оправданий. Знал бы я той ночью, что вскоре произойдет в глубоком темном чреве земли, я бы, по всей вероятности, не так желал стереть самодовольное выражение с его лица, врезав по нему своим маленьким кулачком. Скорее, я бы бросился в объятия монстролога в поисках утешения – утешения, которое может дать лишь тот, кто прокладывает дорогу в темноте.

– Однако довольно философии! К делу, Уилл Генри! – воскликнул Доктор, отодвинув меня в сторону так же небрежно, как он оттолкнул мой душевный порыв. Он обошел стол и склонился над картой, вглядываясь в нее. Красным кружком уже был обведен Новый Иерусалим. – Очевидно, что события сегодняшней ночи подтвердили неправомочность моей предыдущей гипотезы. Это целое взрослое племя Антропофагов, чей альфа-самец висит сейчас у нас в подвале. Двадцать – двадцать пять самок и дети. Возможно, всего тридцать, хотя обстоятельства были сложными для установления определенного количества.

Он поднял голову от карты.

– Тебе не удалось подсчитать их, Уилл Генри? – спросил он со всей серьезностью, как будто это было возможным – подсчитывать монстров, одновременно убегая от них.

– Нет, сэр, – ответил я.

– Но их примерно столько, сколько я сказал? – спросил он. – Двадцать пять – тридцать? Как, по твоим наблюдениям, сходится?

Сто тридцать! Вот сколько их было по моим наблюдениям. Но, возможно, это мне показалось из-за страха. Кладбище просто кишмя кишело чудовищами-людоедами, они лезли из всех дыр, просачивались из теней и скрывались за деревьями.

– Да, сэр, – ответил я. – Я бы сказал, двадцать пять. Двадцать пять – тридцать.

– Чушь! – заорал он и изо всех сил хлопнул ладонью по столу. Его ответ был так резок, что я вздрогнул. – Никогда не говори мне того, что, по твоему мнению, я хочу услышать, Уилл Генри! Никогда! Я не смогу опираться на тебя, если ты выберешь путь попугая. Ложь – мерзкий порок, истинное зло. Всегда говори только правду. Всю правду, во всем, во все времена! Ни

один человек не достиг истинного величия на крыльях подобострастия, обмана и хитрости. А теперь честно: на самом деле ты понятия не имеешь, было ли их тридцать, или пятьдесят, или двести пятьдесят?

Я кивнул.

– Да, сэр, – сказал я, – понятия не имею.

– Вот и я, – признался монстролог. – Я могу только предположить как человек образованный. Предположение это строится на том, что написано в книгах.

Он поднял том Геродота и быстро пролистнул несколько древних страниц, пока нашел нужный абзац. Он тихо прочел его по-гречески. Через пару минут он закрыл книгу, положил обратно в стопку и вернулся к карте. Он извлек из кармана линейку, измерил кратчайшее расстояние между Новым Иерусалимом и побережьем, а потом продолжил делать подсчеты в маленьком блокноте, все время что-то бормоча себе под нос. Тем временем я, только что бывший объектом его пристального внимания, стоял, совершенно позабытый. Человека, способного концентрироваться, не жалея сил, так глубоко, с такой самоотверженностью, как Доктор, я больше не встретил за всю свою долгую жизнь. После того как слепящий свет его внимания сместил фокус с меня на другие вещи, я чувствовал себя брошенным в темный колодец.

Доктор произвел несколько измерений, от границ нашей страны до различных морских портов вдоль побережья, тщательно отмечая каждый в своем блокнотике. Он проводил по карте вдоль края линейки тонкие линии, связывающие одну точку с другой. Наш город находился не далее чем в одном дне пути от побережья, так что вскоре весь пергамент был расчерчен десятками сложно пересекающихся линий и стал похож на паутину с ее сложным замысловатым узором. Я был не вполне уверен, но, кажется, Доктор пытался проследить, каким маршрутом монстры могли прийти в Новый Иерусалим.

Признаюсь, я воспринял его действия как очень, даже чрезвычайно странные. Это после того как мы едва унесли ноги, он стоит тут и тратит бесценное время на интересное, но бессмысленное упражнение! Да какая разница, откуда эти твари объявились или каким образом перебрались в наши места? Разве не больше проку было бы собрать со всей округи мужчин, способных сражаться, и объявить охоту на монстров-людоедов? Они же бродят тут, словно звери, выпущенные из клетки, бродят прямо среди нас – и они явно очень голодны! Я не мог стереть из памяти вид локонов Элизы Бантон, свисающих с клацающей челюсти прожорливого Антропофага. Что же мы медлим? Зачем он читает книги, изучает карты, делает замеры, когда стадо чужаков, страшных, как ночной кошмар, бродит за городом? Надо предупредить жителей о приближающейся опасности нападения, надо строить баррикады против близящейся осады. А время разгадывать загадку, как монстры попали сюда и как их искоренить, придет позже, когда жизни людей будут в безопасности! Кто еще, интересно, может погибнуть сегодняшней ночью так же ужасно, как Эразмус Грей, в то время как Доктор чертит свои линии, читает греков и делает записи в блокноте? Кого еще принесут на алтарь науки? Если такие вопросы приходили в голову двенадцатилетнему парнишке, то уж, конечно, они приходили в голову и человеку с интеллектом Уортропа.

Я размышлял над этой загадкой, припоминая его раннее предостережение против опасности страха. Неужели дело в этом? Неужели этот человек, величайший монстролог своего времени, поражен страхом? И все эти незначительные (с моей точки зрения) поиски в решающий момент – всего лишь способ избежать той горькой правды, что обстоятельства оказались сильнее него? Короче говоря, неужели он, Пеллино Уортроп, боится?

Убедив себя, наконец, что я делаю это не для собственного эгоистичного спокойствия, а ради других, я заговорил. Я заговорил ради тех, кто спал невинным сном, даже не предполагая о смертельной опасности, нависшей над ними. Ради старика, похрапывающего в кровати. Ради ребенка, посапывающего в колыбели. Ради них я, наконец, заговорил:

– Доктор Уортроп?

Он продолжал заниматься картой.

– В чем дело, Уилл Генри?

– Мне сбегать за констеблем?

– За констеблем? Зачем?

– Чтобы... чтобы помочь, – заикаясь, произнес я.

– Помочь кому? Чем?

– Помочь нам, сэр. С этим... вторжением монстров.

Доктор отмахнулся, погруженный в расчеты.

– Антропофаги не станут нападать еще раз сегодня ночью, Уилл Генри, – сказал он.

Его темные волосы почти закрыли лицо, когда он низко склонился над картой; губы были плотно сжаты, как всегда, когда он был предельно сосредоточен.

Я бросил бы эту тему, если бы был уверен в его словах. Но недавняя гипотеза Доктора состояла в том, что Антропофагов всего два-три, и эти слова стоили жизни человеку. Так что я проявил настойчивость, какую никогда не позволил бы себе раньше:

– Откуда вам это известно, сэр?

– Известно что?

– Откуда вы знаете, что они не нападут снова?

– Потому что я умею читать.

В его голосе послышались нотки недовольства. Он похлопал по ближайшей стопке с книгами.

– Две тысячи лет наблюдений подтверждают мою точку зрения, Уилл Генри. Почитай Геродота, Плиния, Вальтера Скотта. Антропофаги наедаются досыта. Они охотятся, едят, а потом отдыхают – несколько дней, а иногда и недель – прежде чем снова выйти на охоту.

Он посмотрел на меня внимательнее.

– А на что ты намекаешь, Уилл Генри? Что это – моя вина? Что кровь Эразмуса Грея – на моих руках? Что ж, возможно, это так. Я ошибся по поводу количества монстров? Очевидно. Но это было утверждение, основанное на имевшихся на тот момент данных, на логических построениях. Если бы мне сейчас дали те же факты, я бы пришел к тем же выводам и все так же рискнул, потому что считал время решающим фактором. Открытие старика заставило меня действовать быстрее, чем мне бы хотелось, и я уверен, что будь у меня больше времени для тщательного анализа, я бы рассмотрел ту возможность, что Антропофаги могли уже и приспособиться к новым условиям каким-то непредвиденным способом (что они, судя по всему, и сделали). Но ты должен понимать, Уилл Генри, «возможность» – еще не значит «вероятность». Возможно, что завтра солнце взойдет на западе, но это не значит – вероятно. Я остаюсь при своем выводе, хоть я и заблуждался в предпосылках.

Теперь монстролог положил руку мне на плечо, и что-то в его взгляде потеплело.

– Мне жаль, что он погиб. Если тебе будет от этого хоть немного легче, вспомни, что он прожил долгую жизнь – жизнь, полную страданий и потерь, должен тебе сказать. Он полностью отдавал себе отчет в том, какая опасность нам грозит; и я не требовал от него ничего, чего не требовал бы от себя. Я не принуждал его ехать с нами сегодня ночью и не просил рисковать больше, чем готов был рискнуть сам.

Возможно, он заметил, как дрожит мое тело под его рукой, потому что продолжил уже совсем другим, холодным тоном:

– И я должен сказать, Уилл Генри, это чрезвычайно странно, что ты так много размышляешь по поводу его несправедливой кончины, а не по поводу своей спасенной жизни, которая оборвалась бы, не вмешайся я. Теперь ты понимаешь? Ты начинаешь понимать, почему я сказал, что он бы поблагодарил меня, если бы мог?

– Нет, сэр, не понимаю.

– В таком случае, я считал тебя умнее, чем ты есть.

Я стряхнул его руку со своего плеча и закричал:

– Да, я не понимаю! Простите меня, Доктор, но я совсем не понимаю! Нам не надо было идти туда сегодня ночью. Нам надо было дожидаться дня, чтобы отнести ее обратно. Если бы мы подождали и сходили за констеблем, старик, возможно, остался бы жив!

– Но это ведь не факты, – ответил Доктор миролюбиво. – Мы не подождали. Мы не вызвали констебля. Ты все никак не ухватишь суть, Уилл Генри. Твой отец давно бы уже сообщил, он бы не стал винить меня или осуждать. Он бы поблагодарил меня.

– Поблагодарил?!

– Как и тебе стоит поблагодарить меня за то, что я спас тебе жизнь, Уилл Генри.

Это было уже не просто обидно, это было оскорбительно, особенно с учетом того, что случившееся с моим отцом было результатом беспрекословного подчинения монстрологу. Из-за него умер мой отец, из-за него я потерял все, что было мне дорого. И вот этот самый человек стоит сейчас и требует моей благодарности!

– Пожалей я Эразмуса, – продолжал он, – старик не пожалел бы тебя и утащил в могилу. Я потерял бы тебя, Уилл Генри, а, как я уже говорил, твои услуги мне необходимы.

Что еще должен я сказать об этом странном одиноком человеке, об этом гении, который всю жизнь трудился, как раб, над странностями самой странной из наук? Гении, которого мир почти не заметил и вскоре забыл? Но кому обязан многим. Кто не обладал, кажется, ни малейшей долей простоты и тепла, у которого не было достаточно сочувствия или сострадания, как не было и способности читать в чужих сердцах – равно как и в сердце двенадцатилетнего мальчика, чей мир целиком и полностью перевернулся в одно мгновение. И в такой момент упоминуть моего отца! Что еще могу я предложить в подтверждение моей гипотезы, что высокомерие и надменность этого человека были так высоки – или так низки, – как редко увидишь за пределами греческого театра или трагедий Шекспира? Он не затемнял смысла, не увиливал, говоря со мной. Он не облакал слова в успокоительные формы истасканных клише. Он спас мне жизнь, потому что моя жизнь была ему важна. Он спас мою жизнь для себя, для продолжения осуществления своих планов. Таким образом, даже его милосердие уходило корнями в его эго.

– Поблаговари меня, Уилл Генри, – сказал он мягко, но тон его был настойчив, словно учитель обращался к непокорному ученику. – Скажи мне спасибо за спасение твоей жизни.

Я пробормотал слова благодарности, глядя себе под ноги. Хотя я говорил чуть громче, чем шепотом, он, казалось, остался доволен. Он похлопал меня по плечу и, развернувшись, пересек комнату быстрой походкой.

– Я не забуду его! – бросил он через плечо. Я решил, что он все еще говорит о моем отце, но он говорил не о нем. – Хотя его мотивы были, мягко говоря, нечисты, но его находка, несомненно, спасла жизни и, возможно, открыла нам совершенно новый вид Антропофагов. Я внесу предложение в Научное Общество Монстрологов, чтобы этот вид назвали в честь старика: Антропофаг Американис Эразмус.

Мне это показалось слабой компенсацией, но я придержал язык.

– Потому как если мои подозрения верны, это именно генерация Антропофагов, которые блестяще адаптировались на новом месте – месте, радикально отличающемся от их родной Африки. Новая Англия – не саванна, Уилл Генри. Ха! Совсем не саванна!

Разговаривая, он перерывал газеты на полках.

* * *

Монстролог подписывался на дюжины газет – ежедневных, еженедельных и выходящих раз в месяц, от «Нью Иерусалим Газет» до «Глоуб», от «Таймс» из Нью-Йорка и Лондона до крошечного издания в ближайшей деревушке. Каждый вторник толстенная пачка газет падала

нам на крыльцо и попадала (приносил ее, разумеется, я) в библиотеку. Там газеты сортировались (мною) в алфавитном порядке, по дате публикации. В начале моего обучения у Доктора мне казалось странным, что, невзирая на количество получаемых газет, он даже не просматривает броские заголовки. Я такого, во всяком случае, не видел. Однако его всегда крайне волновали «события дня», от громких до самых незначительных. Он мог не читать о превратностях рынка ценных бумаг и игнорировать последний показ мод в Париже. Должно быть, решил я тогда, он оставляет их на «вкусненькое» и читает потом ночью, когда я уже уйду в свой альков. Долгое время, на основании этого вывода и кое-каких других фактов, я был уверен, что монстролог вообще не спит. Я никогда не видел его спящим, даже в те периоды меланхолии, о которых я упоминал и которые длились по две недели, а то и дольше. Тогда он просто лежал в постели, и недомоганию его ничем нельзя было помочь.

В первые месяцы моей жизни на Харрингтон Лейн сон никак не шел ко мне. Я не высыпался и одновременно боялся уснуть. Я нуждался в отдыхе, но не в кошмарах, не в ужасных повторениях снова и снова во сне того чудовищного, что случилось с моими родителями. Тянулись мрачные ночные часы, и, наконец, когда изнеможение достигало своего предела, я прокрадывался вниз по лестнице и заглядывал в комнату на втором этаже. Увы, там никого не было, и кровать была пуста. Я тихонько спускался по лестнице еще ниже – туда, где на первом этаже либо свет из библиотеки заполнял холл, либо с кухни доносился стук сковородок и чайника или звон серебряной ложечки о фарфоровую чашку. Чаше всего, однако, Доктор был в лаборатории – возился со своими бутылочками, пузырьками и образцами в банках. Шкафы были заполнены костями и высушенными внутренностями. И всю ночь он проводил там. На рассвете он поднимался по лестнице на кухню – поднимался вместе с солнцем из тьмы причуд и гниения, чтобы приготовить нам утреннюю трапезу (или, как чаще бывало, поспешно съесть то, что приготовил я). Его халат был вечно пропитан кровью, кусочками тканей и других биологических ошметков, природу и происхождение которых я предпочитал не знать.

Однако бывали и другие времена, когда мои ночные вылазки были не нужны. Он приходил сам. Всегда, казалось, в самый страшный ночной час, именно в тот момент, когда я начинал дремать, что было мне все же необходимо, – именно тогда раздавались его тяжелые приближающиеся шаги. Если даже это меня не будило, он влетал внутрь комнаты и стучал кулаком по низкому потолку, громко крича:

– Подъем, подъем, Уилл Генри! Пошевеливайся! Ты мне срочно нужен внизу!

И вот я тащился, едва переставляя ноги, туда, где я больше всего боялся находиться, – в подвал. Там я устало, с трудом взгромоздился на табурет, а он принимался диктовать мне письмо или последний отчет для Научного Общества Монстрологов – задача, которая, по моему слабому разумению, вызванному бессонницей, могла бы подождать и до утра.

Иногда, однако, он поднимал меня с постели без видимой причины вообще. Я сидел на табурете, зевая, а он рассуждал до восхода солнца об эзотерике, определенном направлении знаний или каком-нибудь новейшем научном открытии. И хотя это было мне малопонятно, а порой и раздражало, потому что будил он меня всегда именно в тот момент, когда на меня наваливался долгожданный сон без сновидений, я, наконец, догадался, что и эта моя услуга была ему так же необходима, как любая другая. Возможно, эта даже была самой важной из всех: разделить чудовищное бремя его одиночества.

* * *

Я долго смотрел, как он кружил вокруг длинного стола, вдоль полок, собирая газеты в пачку, которую уже едва мог удержать, прежде чем я осознал, что ему, наверное, нужна моя помощь. Но как только я бросился помогать, он остановил меня, приказав приготовить бумагу, блокнот и ручку. Он продолжал сканировать взглядом газеты – особенно некрологи – и делал

пометки, диктуя мне и иногда откладывая газеты и блокнот в сторону, чтобы нанести отметки на карте. Постепенно точки на ней стали образовывать некое скопление, продвигающееся с запада на восток, по направлению к побережью Атлантики. Цель графических отображений была очевидна: Доктор отслеживал миграцию Антропофагов.

Первое письмо, которое я отнес вниз, было адресовано Научному Обществу Монстрологов. В нем сообщалось о новом открытии и кратко излагалась история событий, последовавших за вскрытием могилы Элизы Бантон, вместе с которой был обнаружен мертвый самец Антропофаг. Доктор не упомянул о нашей безумной ночной вылазке и невероятном бегстве с кладбища, в ходе которых мы едва не погибли; возможно, он почувствовал, что это могло бы выставить его трусом, но я подозреваю, еще более он защищал свою репутацию и хотел скрыть ту болезненную правду, что он ошибся в своей первоначальной теории.

Он добавил постскрипtum, сообщавший Обществу, что он намерен прислать позже специальной почтой свои заметки по поводу вскрытия трупа взрослой особи Антропофага.

Диктуя, он методично просматривал свой блокнот, вырывая листы и тщательно разделяя их на две стопки. Это было виртуозно, потому что в блокноте содержался исследовательский материал за три с лишним года работы. Время от времени он прерывал самого себя пронзительным криком или возгласом, слишком страстным, чтобы я мог понять, был ли то звук радости или горя. В другой раз он, бывало, принимался хохотать до слез, так что голова его тряслась, когда он вносил пометки в блокнот.

– Теперь еще одно, доктору Джону Кернсу, в Институт Смитсона, Вашингтон, округ Колумбия, – приказал Доктор. – Дорогой Джек, – начал он и вдруг остановился, нахмутив брови и закусив нижнюю губу. – Нет, лучше написать письмо Стенли... Ну, конечно, это же ясно, – пробормотал он себе под нос. – Стенли – настоящий эксперт... Вот только он сейчас в Буганде, и даже если он сможет выехать немедленно, это дело разрешится прежде, чем он достигнет Бермуд... Но кто еще есть, кроме Кернса?

Он продолжал рассуждать с оттенком отвращения. Я никогда не слышал от него об этом Джоне Кернсе и решил, что тот тоже, должно быть, монстролог или исследователь-практик в близкой к монстрологии области. Увы, я ошибся по обоим статьям. Джон Кернс не был ни тем, ни другим. Он был кое-чем большим, как я, к великому своему сожалению, выяснил позднее. Большим – и одновременно несоизмеримо меньшим.

А пока что письмо, адресованное Джону Кернсу, гласило:

Дорогой Джек,

в Новом Иерусалиме завелся потенциально новый вид Антропофагов.

Это племя, состоящее примерно из тридцати – сорока взрослых особей.

Они выше и агрессивнее, чем Африканские Антропофаги. Требуется твоя незамедлительная помощь. Можешь ли ты приехать как можно скорее?

Твой приезд и пребывание будут полностью оплачены. Надеюсь, ты в добром здравии и т. д. и т. п.

Твой покорный слуга,

Пеллино Уортрон.

Закончив диктовать письмо, Доктор умолк на несколько минут. Он облокотился локтями о стол так, что плечи его приподнялись над головой. Он подался вперед, вперив взгляд в карту, испещренную точками и зигзагообразными линиями, неминуемо ведущими к морю. Потом он выпрямился с тяжелым вздохом, прижал руки к пояснице; затем нервно пригладил волосы своими длинными бледными пальцами. Он снова взял в руки записную книжку и принялся изучать выкладки и расчеты, ритмично постукивая карандашом по странице и продолжая покусывать нижнюю губу. Я стоял в двух шагах от него, но он меня уже не видел. Я снова был забыт. Мне это было не в диковинку, но привыкнуть я так и не смог.

Нет одиночества более сильного, чем рядом с человеком, который не видит тебя в упор, занятый собственными делами. Проходили дни, мы жили бок о бок, работали в лаборатории, а он не замечал меня – я не слышал от него ни слова. Когда же он говорил, ему не требовалось моих ответов. Наши роли были расписаны раз и навсегда: он говорит – я слушаю. Он – оратор, я – аудитория. Я давно научился не заговаривать прежде, чем он обратится ко мне. Я подчинялся любому приказу без лишних вопросов, каким бы загадочным или абсурдным ни был этот приказ. Я был как солдат на службе, хотя редко понимал, чему именно я служу.

Звезды погасли на небе, упрямая хватка ночи ослабла наконец, а монстролог все еще трудился над картами, книгами и газетами, делая замеры и производя подсчеты, записывая все в свою маленькую записную книжку. Временами он вскакивал из-за стола в крайнем возбуждении, размахивал руками и потирал лоб, бормотал что-то себе под нос и ходил туда-сюда. Он был охвачен одним из приступов исследовательской страсти. Повсюду стояли чашки из-под черного чая – в случаях маниакального напряжения мысли он поглощал его литрами. За все годы, что я жил у Доктора, я ни разу не видел, чтобы хоть капля алкоголя коснулась его губ. Уортроп хмурился при упоминании о спиртном и часто высказывал недоумение, как люди могут с таким воодушевлением превращать себя в идиотов.

За окном занимался рассвет, а я, заваривая на кухне очередной чайник чаю, не смог отказать себе в удовольствии съесть несколько черствых галет, чтобы хоть как-то поддержать иссякшие силы, – если помните, все, что я съел за ту ночь, было несколько ложек сомнительного супа, приготовленного Доктором. У меня болела спина, и каждая мышца тела ныла от усталости. Я передвигался неловко, еле-еле, словно в тумане. Тот адреналин, который держал меня на ногах с момента возвращения с кладбища, весь выветрился. Я едва не падал. Мысли с трудом шевелились в голове, тело почти не слушалось – я был в нем словно незваный гость. Когда я принес чайник с чаем в лабораторию, Доктор был на том же месте, что и раньше. Тишина. Только тикают часы на каминной полке. Вот Доктор вздохнул – глубоко, устало и разочарованно. Он пересматривал газеты в стопке, пока не нашел одну, в которой была статья, уже обведенная им прежде в кружок. Он читал ее минуту-другую, бормоча одно и то же слово, потом уронил газету на остальные и обратился к карте, где соответствующим цветом был обведен кружочком – Дедхем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.